

МАРК ЗАЙКИН
БЕССРОЧНЫЕ · КНИГА ПЕРВАЯ

МОЛОДАЯ
КРОВЬ

Когда старшие не умирают, у младших нет будущего.

Марк Заикин

Молодая кровь

<https://litres.ru/74676717>

SelfPub; 2026

Аннотация

В 2008 году, когда рухнули банки, вампиры вышли из тени и выкупили мир.

Восемнадцать лет спустя бессмертие продаётся с аукциона, квартиры принадлежат тем, кто никогда не умирает, а молодёжь сдаёт кровь, чтобы платить по вечной ипотеке.

Лео Фальк — ночной курьер крови из Гамбурга. Он и сам сдаёт её с шестнадцати лет. Когда его семье дают тридцать дней до выселения, ему выпадает место стипендиата в Академии Продления на полярном острове Карфакс. Там пять бессмертных Домов решают, кому жить вечно.

Стипендия погасит все долги. Если он продержится до весеннего равноденствия.

Но в Академии пропадают люди. Победители прошлых лет каждое воскресенье выкладывают счастливые посты из Вечности, и ни один из них ни разу не позвонил домой. Под крепостью что-то гудит и дышит. А в крови Лео есть то, ради чего его сюда позвали.

Тёмное городское фэнтези о поколении, у которого забирают будущее, и о том, что бывает, когда оно перестаёт отдавать его даром.

Содержание

Пролог. Победительница	5
Часть первая. Донор	13
Глава 1. Кровник	13
Глава 2. Оценка	31
Глава 3. Наследница	45
Глава 4. Лотерея	59
Глава 5. Пепел	78
Глава 6. Чёрный паром	95
Ч	112
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Молодая кровь

*Мы пьём не кровь. Мы пьём время. Ваше.
Которого у вас ещё нет и которое вы не успели
прожить.*

Аурел Вей, мастер крови Дома Вей

Пролог. Победительница

Карфакс, 20 марта 2026 года. Ночь Равноденствия Тринадцатого Сезона

За кулисами Белого театра пахло лаком для волос и горячими лампами, и Сельма Ос думала о том, что мама сейчас, наверное, смотрит её с работы.

На рыбозаводе в Тромсё смена начиналась в четыре утра, но эфир шёл в два, и бригадир разрешил включить трансляцию на большом экране в столовой. Мама написала об этом днём: *Все девочки с нашего конвейера смотрят. Аннелизе принесла торт. Я не плачу, честно.* Три плачущих смайлика подряд. Сельма ответила сердечком и больше ничего не писала. Телефоны у победителей забрали ещё в полночь, вместе с часами и серьгами, и выдали взамен белые платья без карманов.

— Две минуты, — сказала девушка с гарнитурой. — Двадцатка, на линию.

Их было двадцать. Семь стипендиатов и тринадцать На-

следников, все в белом, выстроенные по рейтингу за тяжёлым занавесом цвета слоновой кости. Сельма стояла четвёртой. Полгода назад, в сентябре, она сошла с Чёрного парома с одним рюкзаком и номером сто два в общей таблице, и над ней смеялись. Девчонка из Тромсё, которая чистила треску с четырнадцати лет и сдавала кровь с шестнадцати, потому что у матери позвоночник и долги. Потом было Испытание голосом, и она устояла, когда ломались наследники с тремя языками и личными тренерами. Потом Ледяной марш, где она пришла второй, не чувствуя ног. Теперь она была четвёртой из ста.

Рядом стоял Тобиас из Дома Нокс, Наследник из Жене-вы, первый в рейтинге. У него тряслись руки. Он поймал её взгляд и попробовал улыбнуться.

— Один из трёх, — сказал он шёпотом. — Ты считала, сколько нас на сцене?

— Двадцать.

— Значит, примерно тринадцать не встанут на третью ночь.

— Тобиас, — сказала Сельма. — Заткнись.

Он засмеялся, нервно и благодарно, и руки у него трястись перестали.

Она тоже знала статистику. Все знали. Продление переживает один из трёх. Это было в каждой статье, на каждой странице Lumen, в каждом ролике про Академию, и каждый год миллионы людей всё равно сдавали кровь, чтобы попасть

в лотерею. Потому что один из трёх — это всё-таки один. Потому что выживший получал вечность, а семья выжившего — содержание от Дома до конца своих дней. Мама больше никогда не встанет в четыре утра. Ради этого можно было стоять за занавесом в платье без карманов и думать о тридцати.

Занавес пошёл вверх.

* * *

Свет ударил так, что первые несколько секунд она ничего не видела. Потом проступил зал.

Белый театр был построен в форме раковины: ярусы поднимались вверх и внутрь, к куполу, а купол был стеклянный, и сквозь него над Карфаксом горело северное сияние, зелёное, широкое, лениво переливающееся, как будто его включили специально к эфиру. Может быть, так и было. В ложах сидели Вечные. Сельма видела их лица, бледные, одинаково спокойные, и иногда, когда кто-то поворачивал голову к свету, в темноте лож вспыхивали зрачки, зелёные и золотые, сотни крошечных огней. Внизу, в партере, сидели семьи Наследников, гости Домов, журналисты. Над сценой висели камеры на тросах, огромные, как хищные птицы.

— Дамы и господа, — сказал голос, и зал затих так, будто его выключили. — Друзья. Мир.

Жюльен Аргент вышел на авансцену в белом смокинге с

золотой нитью. Ему можно было дать тридцать пять, у него была ямочка на подбородке и лучшая улыбка в мире, и Сельма знала, что голос, которым он сейчас говорит, слышат два миллиарда человек. В Тромсё, в Лагосе, в Сан-Паулу, в столовой рыбозавода. Голос заходил прямо в грудь, тёплый, и от него становилось спокойно и правильно, как дома. Это был дар Дома Аргент. На Испытании она научилась его различать, но сейчас не стала сопротивляться. Сейчас ей хотелось, чтобы было спокойно.

— Тринадцатый Сезон Академии Продления завершён, — сказал Жюльен. — Сто юношей и девушек со всех концов земли полгода доказывали, что достойны вечности. Двадцать доказали. Сегодня, в ночь, когда свет и тьма равны, они получают то, о чём человечество мечтало с тех пор, как впервые увидело смерть. Вечность доступна каждому. Сегодня она станет их.

Зал заплодировал. Ложи — нет. Вечные не хлопают, Сельма заметила это ещё в первую неделю. Они просто смотрят.

Слуги в чёрном вынесли двадцать бокалов из тёмного стекла на серебряных подносах. За ними на сцену поднялись главы Домов, все пятеро. Сельма никогда не видела их вместе, никто не видел, кроме этой одной ночи в году. Северин Вей в алом. Конрад Тальмар, огромный, с лицом, будто вырубленным из дуба. Себастьян Аргент. Тихая маленькая женщина в чёрном, похожая на монахиню, и Сельма вдруг

поняла, что это Мадлен Нокс, Старейшая, та самая, из ролика 2008 года, который показывают на уроках истории. И Леди Ингрид Корвин в серебристо-сером платье и длинных перчатках до локтя.

Корвин подошла к ней. Сельму распределили в Дом Корвин в сентябре, на Пробе, и полгода Леди Ингрид смотрела на неё издалека. Теперь она стояла совсем близко. Глаза у неё были серые, очень спокойные, и вблизи Сельма разглядела тонкую сетку морщин у глаз, которую не брал никакой грим. Странно. Ей говорили, что Вечные не стареют.

— Сельма Ос, — сказала Ингрид. Голос был тихий, но микрофон на тресе висел прямо над ними. — Тромсё. Дочь Марит. Ты очень хорошо прошла этот путь.

— Спасибо, Леди Корвин.

— Твоя мать будет обеспечена до конца жизни. Это обещание Дома. Мы помним.

Она взяла с подноса бокал и протянула его Сельме двумя руками, как протягивают ребёнку чашку. В бокале было тёмное, почти чёрное. Сельма почувствовала запах, медь и что-то сладкое, похожее на мёд.

Она подумала о маме. О спине, которую мама каждый вечер натирала мазью, о кофе в термосе, о торте, который принесла Аннелизе. Она подумала, что если не встанет на третью ночь, мама всё равно получит деньги, потому что «Дом обеспечивает семьи всех, кто прошёл до конца», это тоже было в правилах. Она подумала, что Тобиас был прав, но это

уже неважно.

Она выпила.

Кровь была густая и тёплая, как будто только что из вены, и в первую секунду не было ничего. В горле стало горячо, потом холодно, и холод пошёл вниз, в грудь, к сердцу, и сердце сбилось, раз, другой, как мотор лодки, когда кончается бензин. Зал поплыл. Сияние над куполом стало ярче, зелёный свет залил всё. Она видела, как Ингрид Корвин смотрит на неё, внимательно, без улыбки, как смотрят на прибор, когда стрелка подходит к нужной отметке.

Сельма хотела сказать «мама», но губы уже не слушались. Последним она услышала голос Жюльена, тёплый, бесконечный:

— Третья ночь. Мы будем ждать вместе с вами.

* * *

Было темно, холодно и тихо.

Потом в темноте что-то ровно загудело. Низкий звук, как у холодильника в маминой кухне, только больше, глубже, и не один, а много, со всех сторон.

Сельма открыла глаза.

Перед лицом было стекло. Изогнутое, запотевшее изнутри от её дыхания. За стеклом плавал тусклый синеватый свет, и в этом свете она увидела потолок, низкий, каменный, сводчатый, с тёмными потёками. В руки ей что-то впивалось.

Она скосила глаза: на сгибах обоих локтей, в венах, стояли толстые прозрачные трубки. По одной трубке из неё медленно уходило тёмное. По другой что-то возвращалось обратно, такое же тёмное, но гуще.

Она попробовала пошевелиться и не смогла. Тело было тяжёлым, чужим, как во сне, когда бежишь и стоишь на месте. Она попробовала закричать, и вышло только слабое сипение, от которого стекло перед лицом запотело сильнее.

Она лежала не одна. Сквозь стекло, повернув глаза до боли, она увидела слева такую же капсулу, а за ней ещё одну, и ещё. Ряд уходил в темноту. В ближней капсуле лежал кто-то с тёмными волосами, и на сгибе его руки, такой же худой и белой, тоже стояла трубка.

Над её собственной капсулой, на стекле, кто-то наклеил полоску белого пластыря. На ней чёрным маркером, аккуратным почерком было написано: *117*.

Рядом с капсулой на металлической стойке стоял планшет. Экран светился. Наверное, его забыли выключить, или он светился всегда. На экране было открыто приложение Lumen, и шло видео.

На видео была Сельма.

Она стояла на террасе Серебряной башни, в белом свитере, с распущенными волосами, и за её спиной над фьордом горело сияние. Она смеялась. У неё был её голос, её ямочка на левой щеке, её привычка заправлять волосы за ухо, когда волнуется. Видео смотрели одиннадцать миллионов че-

ловек.

— Привет из Вечности! — сказала Сельма на экране и помахала в камеру. — Мам, я встала. Я встала, слышишь? Тут так красиво. Я тебе скоро позвоню, мне пока нельзя. Люблю тебя!

Под видео бежали комментарии. *ОНА ВСТАЛА!!! Тромсё гордится! Сельма королева! Мама Марит плачет в прямом эфире, я не могу.*

Сельма в капсуле смотрела на себя и не могла моргнуть. Трубка на её левой руке тихо дрогнула, и тёмное потекло быстрее.

Часть первая. Донор

Глава 1. Кровник

В среду, в двадцать три сорок, в подсобке прачечной на Тальштрассе Лео Фальк продал четыреста пятьдесят миллилитров своей крови за сто девяносто евро. До конца смены ему оставалось шесть адресов.

— Третий раз за две недели, — сказала Док, не поднимая глаз от пакета.

— Второй.

— Третий. Я считаю лучше тебя, мальчик. У меня приложение.

Приложением был RedDrop. Он стоял на её старом планшете в розовом чехле с трещиной через всю Хелло Китти, и он ничего не считал: в этом и был его смысл. Vein, официальное приложение Дома Вей, пускало сдавать цельную кровь раз в восемь недель и отключало аккаунт, если гемоглобин падал ниже ста тридцати. У Pulse было так же, только с рекламой. RedDrop был криптокошельком, иглой и подсобкой, где пахло стиральным порошком и горячим металлом сушилок. Сколько крови из тебя можно взять, RedDrop не волновало. Цену назначал покупатель, а покупатель хотел молодую кровь.

Док звали Эсра Йылдыз. Ей было за пятьдесят, когда-то она двадцать лет работала операционной сестрой в Альтоне, а потом у неё что-то случилось с лицензией. Она никогда не рассказывала, что именно, и Лео никогда не спрашивал. Иглу она ставила лучше всех в Санкт-Паули: ни синяков, ни второй попытки. Её уважали даже люди из Tal Security, которые раз в месяц заходили в прачечную стирать форму и делали вид, что не видят двери в подсобку.

Лео смотрел, как тёмная струйка бежит по трубке в пакет. Пакет лежал на весах-качалке и медленно покачивался, как лодка. Цифры на табло ползли: 380, 390, 400. Он не чувствовал ничего, кроме холода в руке. Холод всегда начинался в пальцах и поднимался к локтю. Через полгода такой жизни ты знаешь своё тело как старый велосипед: где скрипит, где заедает, сколько ещё выдержит.

— Голова кружится?

— Нет.

— Врёшь.

— Немного.

Док щёлкнула зажимом, вынула иглу и прижала ватку, а сверху его же пальцем, чтобы держал. Потом достала из ящика шоколадку, «Риттер Спорт» с орехами, и положила ему на колено. Так было каждый раз. Однажды Лео подсчитал, что за полтора года она скормила ему шоколадок примерно на шестьдесят евро, и предложил вычитать их из оплаты. Она тогда посмотрела на него так, что он больше не предлагал.

Телефон дрогнул в кармане. *RedDrop: зачислено 0,0031 BTC (~190,00 €). Спасибо, что делитесь жизнью!*

«Делитесь жизнью». Кто-то в маркетинге получил за это премию.

Сто девяносто евро — это два ингалятора для Мии, если брать в аптеке на Ферингштрассе, где не задирают цену, или один ингалятор и неделя продуктов, если не брать фрукты. Или ноль целых три десятых процента от суммы в письме, которое лежало у него в рюкзаке, в заднем кармане, сложенное вчетверо. Письмо он старался не считать.

— Я серьёзно, Лео. — Док сняла перчатки. Пакет с его кровью уже лежал в контейнере-холодильнике с наклейкой: *М, 17, КР — н/д*. Семнадцать ему оставалось ещё двадцать минут. — Дариус тоже говорил «второй».

Он встал слишком быстро. Подсобка качнулась, полки с порошком поплыли влево, потом нехотя вернулись на место.

— Мне пора. У меня Шпайхерштадт и HafenCity.

— Сядь и съешь шоколадку.

— Съем по дороге.

Она вздохнула и не стала спорить. Это ему в ней тоже нравилось.

* * *

Термокофр назывался «Холодок». Имя ему дала Мия, когда ей было десять, и с тех пор оно прилипло. Это был жёл-

тый пластиковый ящик Pulse на сорок литров с гелевыми аккумуляторами холода, пристёгнутый к багажнику старого стального велосипеда. Внутри по ячейкам стояли шесть контейнеров, каждый с кодом и маленьким дисплеем: температура, время забора, данные донора. *Ж, 19, КР 612. М, 22, КР 588. Ж, 16, КР 701.* Шестнадцатилетняя с семьюстами баллами. Её кровь стоила столько, что Лео вёз её в отдельной ячейке с пломбой. Он никогда её не видел и никогда не увидит, но в эту ночь отвечал за неё больше, чем за себя.

Он выкатил велосипед на Реепербан, и улица ударила его светом.

Был час ночи, самое людное время. С тех пор как конторы Домов стали работать с восьми вечера до шести утра, за ними перестроился весь город. Ночные смены в порту, ночные школы, ночные рынки. Днём Гамбург спал за жалюзи, а ночью вставал и шёл на работу. По Реепербану тёк народ: официанты, медсёстры, мальчишки из вечерней гимназии с рюкзаками, туристы, пьяные, очередь у кебабной «Анатолия» на полквартала. Неон отражался в мокром асфальте розовым и синим. Сверху, над всем этим, висел огромный экран Argent Broadcast. Сейчас на нём крутили рекламу нового Сезона: замедленные кадры северного сияния, белые лица, чей-то смех, и золотые буквы через весь экран:

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ СЕЗОН. ВЕЧНОСТЬ ДОСТУПНА КАЖДОМУ. ЛОТЕРЕЯ — 14 СЕНТЯБРЯ. ТОЛЬКО НА LUMEN.

Под экраном кто-то из граффитчиков ещё весной вывел баллончиком по стене кинотеатра: *ЕСЛИ ВЕЧНОСТЬ ДЛЯ КАЖДОГО, ПОЧЕМУ Я ПЛАЧУ ЗА НЕЁ КРОВЬЮ*. Надпись закрашивали дважды, и дважды она появлялась снова. Теперь её просто оставили. Видимо, решили, что так дешевле.

Лео поехал на юг, к порту. Шоколадку он съел на первом светофоре в два укуса, не чувствуя вкуса, только сладость, от которой сразу заныли зубы. Ноги крутили педали сами. Это он умел: ездить, когда сил нет, на одной привычке. Привычка — тоже ресурс, говорил отец. Её просто не продают.

У Ландунгсбрюккен над рекой гудели два дрона Tal Security. Медные огоньки, ровный низкий звук, как у трансформатора. Они висели над пристанью уже неделю, с тех пор как в Фельделе снова кого-то «взяли». На столбе у остановки трепался на ветру плакат, такой же, как в метро, в школах, на каждом третьем углу:

БЕШЕНЫЕ СРЕДИ НАС. ПРИЗНАКИ: БЕЛЫЕ ГЛАЗА, ЗАПАХ ГАРИ, ВСПЫШКИ ГНЕВА. СООБЩИ — ПОЛУЧИ +50 КР. ТВОЯ БДИТЕЛЬНОСТЬ СПАСАЕТ ЖИЗНИ. — TAL SECURITY / ГОРОД ГАМБУРГ

Кто-то пририсовал белым маркером под «вспышками гнева»: *то есть всем нам*.

Лео не стал смотреть на плакат дольше, чем нужно. Так он делал с прошлого ноября.

Первые четыре адреса прошли как обычно. Два частных клиента в Роттербауме: смертные, пожилые, богатые, у которых в холодильниках стоял Эликсир Вей, а свежая молодая кровь шла «для сочетания». Так это называли в их кругу: «для сочетания». Ночная клиника на Гроссе Бургштрассе. Ресторан «Ноктюрн» на Альстере, где Вечные ужинали за стеклом с янтарным фильтром, а официанты разносили бокалы, в которых не было вина. Везде Лео отдавал контейнер на пороге, сканировал код, получал подпись и чаевые или не получал. Пороги он любил. За порогом начиналась чужая жизнь, а на пороге ты ещё оставался собой.

Пятый адрес был в Шпайхерштадте, ночная лаборатория Vein в старом складе. Лео поехал туда по набережной Санкт-Аннен, потом через мост на Холлендишер Брок.

В Шпайхерштадте всегда стоял туман. Склады из красного кирпича поднимались прямо из каналов, по семь этажей, с медными крышами, позеленевшими от времени, с лебёdkами под фронтонами. Сто лет назад здесь хранили кофе, ковры и пряности. Теперь половина зданий стояла пустой, потому что Дом Нокс выкупил район после 2008 года и всё никак не мог решить, что с ним делать. Вечные никуда не торопятся. Им можно.

Фонари горели через один. Вода в канале была чёрная и

неподвижная, как застывший мазут. Велосипед глухо стучал по брусчатке. Лео въехал на узкий мост над Вандрамсфлетом и затормозил.

На чугунных перилах лежал пепел.

Немного, тонкой серой полосой, как будто кто-то стряхнул сигарету. Только сигарет таких не бывает: полоса шла метра три, ровно по верху перил, и в одном месте в ней виднелся отпечаток. Четыре вытянутые подушечки и длинный след когтя. Больше человеческой ладони.

Лео стоял и смотрел, и сердце у него билось так, что было слышно в ушах. Это после донорства, сказал он себе. Сердцу не хватает объёма, вот оно и колотится. Физиология.

Где-то наверху, на крыше склада, скрипнула медь.

Он поднял голову. Крыша уходила в туман, и над ней не было ничего: ни луны, ни звёзд, только рыжий отсвет города. Скрип повторился дальше, на соседнем доме, будто кто-то тяжёлый шёл по коньку крыши, не торопясь, вдоль канала. В том же направлении, куда ехал он.

Запахло палёной шерстью, как пахнет, когда собака подойдёт слишком близко к печке.

— Дариус? — сказал Лео. Вышло тихо, почти шёпотом, и он сам не понял, хотел ли, чтобы его слышали.

Ему никто не ответил. Скрип на крышах прекратился.

Последний раз он видел Дариуса Кайю девятого ноября прошлого года, на Фельделе, у подъезда дома номер четырнадцать по Вильгельмсбургер-штрассе. Они вдвоём закон-

чили смену и ели дёнер на капоте чьей-то машины, и Дариус ругался на новый бит, который у него не получался. Он говорил, что бас «плоский, как Шлезвиг-Гольштейн». Потом из-за угла вышли люди в медной форме Tal Security с фонарями, и кто-то закричал. Дариус сказал «спокойно, это не к нам». Сказал что-то ещё, не по-немецки и не по-турецки, каким-то сорванным голосом, которого Лео никогда раньше не слышал. Потом его глаза стали белыми.

Лео помнил это совершенно точно, хотя все вокруг потом говорили, что было темно, что он не мог видеть. Глаза стали белыми, без зрачков, как два фонаря, повернутые внутрь. С волос посыпались серые искры. А потом Дариус побежал, и бежал он уже не совсем на двух ногах.

С тех пор никто его не видел. Мать Дариуса, тётя Гюль, каждую неделю ходила в участок Tal Security на Нойер-Штайнвег и каждую неделю ей говорили одно и то же: «Информации нет». Лео ходил с ней дважды. На второй раз капитан Маттиссен, высокий датчанин с усталым лицом, вышел к ним в коридор и сказал: «Фрау Кайя, если он жив, он уже не ваш сын. Мне жаль». И ему, кажется, действительно было жаль. От этого было только хуже.

Лео отпустил тормоз и поехал дальше. Быстро, не оглядываясь, потому что в «Холодке» лежала кровь шестнадцатилетней девочки с семьюстами баллами, за которую он отвечал, и ещё потому, что не хотел знать, идёт ли кто-то по крышам за ним.

Лаборатория Vein приняла контейнер у двери с камерой. Подпись, код, без чаевых. Когда он вышел на улицу, тумана над каналом стало больше, и пепла на перилах моста уже не было видно.

* * *

Шестой адрес — HafenCity, башня «Меридиан».

Стеклянный квартал Дома Нокс вырос на месте старых портовых складов за десять лет. Квартал был выше, чище и холоднее всего остального города. Башни стояли у воды плотно, как зубы, и все были из одного стекла, тёмно-янтарного, с фильтром от ультрафиолета. Днём, говорят, они горели над Эльбой, как куски мёда. Ночью свет изнутри делал их похожими на огромные фонари, в которых медленно тлеет что-то густое. «Меридиан» был самой высокой, сорок шесть этажей. На верхних, по слухам, жила сама Мадлен Нокс, когда приезжала в Гамбург. Только её никто не видел уже лет пять.

Лео оставил велосипед у служебного входа, снял «Холодок» с багажника и вошёл в лобби.

Лобби было размером с баскетбольную площадку и почти пустое. Чёрный камень пола, янтарные стены, в центре фонтан с водой, которая текла вверх. Он видел этот фонтан раз пятнадцать и каждый раз злился на себя за то, что смотрит. За стойкой сидел консьерж, герр Брюк, смертный, седой, в

ливрее Нокса с закрытым кругом на лацкане. Он знал Лео в лицо и всегда кивал ему, как равному, без улыбки. Лео это ценил.

— Сорок первый этаж, — сказал герр Брюк. — Фрау ван Ален. Она просила вас подождать.

— Подождать?

— Она спустится сама.

Это было необычно. Вечные не спускались к курьерам. Курьер поднимался на служебном лифте до порога квартиры, отдавал контейнер слуге, получал подпись и уходил. Порог. Всегда порог.

Лео поставил «Холодок» на мраморную скамью и стал ждать. Он смотрел на фонтан и не смотрел, считал секунды. Сто двадцать. Сто восемьдесят. На двести сорок третьей двери лифта открылись.

Фрау ван Ален выглядела на тридцать. Высокая, в длинном сером пальто, хотя на улицу она явно не собиралась. Тёмные гладкие волосы, бледная кожа без единой морщины, как у фарфоровой чашки. Она шла по чёрному полу совершенно бесшумно, и Лео только через несколько шагов понял, что это и было самое неправильное: в огромном каменном зале каблуки должны стучать.

Она остановилась в двух метрах. Чуть наклонила голову. Свет из стены упал ей на лицо, и её зрачки на мгновение вспыхнули, отразив его, как у кошки в свете фар. Зелёным.

Он знал, что так бывает. Видел сто раз по телевизору, в

рекламе, на плакатах. Вживую вблизи видел впервые, и тело отреагировало раньше головы: в затылке похолодело, ладони стали мокрыми, ноги сами захотели назад.

— Вы сегодня сдавали, — сказала она. Это был не вопрос.

— Это не входит в доставку, — сказал Лео. Голос у него вышел ровнее, чем он ожидал.

Она улыбнулась. Губы у неё были бледные, без помады, и она не показала зубов.

— Нет. Конечно. Простите. Я просто чувствую. — Она слегка втянула воздух, как человек, который вошёл в кондитерскую. — Левая рука. Часа полтора назад. И не в первый раз за этот месяц. У вас очень громкое сердце, вы знаете? Я слышала его ещё из лифта.

Лео открыл «Холодок», вынул последний контейнер и протянул ей. Рука не дрожала. Он смотрел на это со стороны и даже немного гордился.

Ж, 16, КР 701.

Она не взяла контейнер сразу. Посмотрела на дисплей, на цифры, потом на него.

— Шестнадцать, — сказала она. — Хорошая девочка. Вы её знаете?

— Нет.

— А хотели бы?

— Распишитесь, пожалуйста.

Она взяла контейнер. Пальцы у неё были холодные, он почувствовал это даже через пластик и через короткое касание,

которое она сделала, может быть, нарочно. Она расписалась на его телефоне ногтем, быстрым красивым росчерком, а потом достала из кармана пальто купюру. Пятьдесят евро. Наличными. Вечные всегда платили наличными, будто им нравилось, что деньги можно потратить.

— Поднимитесь ко мне? — сказала она, так же легко, как говорят «хорошего вечера». — Ненадолго. Я хорошо плачу за живой контракт. Лучше, чем ваш RedDrop. И безопаснее. У меня есть врач.

Сначала было только удивление: она знает, что он сдаёт в RedDrop. Потом пришёл страх, медленный и холодный, как вода в канале.

Хартия, статья двенадцатая, право порога: Бессрочный не может войти в частное жилище без приглашения проживающего. Об этом знал каждый ребёнок. Про обратное в Хартии не было ни строчки. Если ты сам поднимаешься в их дом, ты переступаешь их порог, и с этого момента правила пишут они.

— Нет, спасибо, — сказал Лео. — Мне ещё домой.

— Как вас зовут?

— Йонас.

Это было имя отца. Оно вышло само.

— Йонас, — повторила она, будто пробуя на вкус. — Неправда. Но ничего. Мы ещё увидимся. Город маленький, а вы очень громкий.

Она развернулась и пошла к лифту. Так же бесшумно. Лео

смотрел ей в спину, пока двери не закрылись, и только тогда понял, что не дышит.

Герр Брюк за стойкой продолжал смотреть в монитор. Когда Лео проходил мимо, консьерж сказал, не поднимая глаз, тихо, как говорят о погоде:

— На вашем месте я бы не брал больше смен в этот квартал.

— Почему?

Герр Брюк посмотрел на него поверх очков.

— Потому что она запомнила, как пахнет ваша кровь, — сказал он. — Спокойной ночи.

* * *

Домой Лео поехал через Старый Эльбский тоннель.

Это была его привычка и его маленькая роскошь: можно было ехать по мосту через Эльбрюккен, но тоннель был короче на три километра, а в пять утра там никого не было. Тоннелю было больше ста лет. На берегу у Ландунгсбрюккен стояло круглое здание с медным куполом, внутри огромные клетки лифтов, в которые когда-то загоняли телеги с лошадьми. Лифт опускался на двадцать четыре метра, под реку, медленно, с лязгом. Дальше начинались две трубы, облицованные белым кафелем, по четыреста с лишним метров каждая. Под кафелем шла Эльба, над головой — корабли, а в тоннеле было тихо, как в соборе, и пахло мокрой плиткой.

Лео ехал по трубе, и звук колёс бежал впереди него, отражаясь от стен. Лампы под потолком горели жёлтым и гудели. На кафеле кое-где были рельефные медальоны: рыбы, крабы, старые сапоги, крысы. Мия, когда была маленькой, просила останавливаться у каждой крысы.

Отец работал в порту тридцать лет. Последние десять крановщиком на терминале Буркардкай, на том берегу, где сейчас светились краны, похожие на огромных жирафов. Он сдал кровь триста двенадцать раз. Лео знал это число, потому что донорская карта отца висела у них дома на холодильнике, под магнитом в виде маяка: старая бумажная карта, ещё до приложений, с клетками, которые пробивали компостером после каждой сдачи. Триста двенадцать дырочек. Когда клетки кончились, отец вклеил вторую карту, потом третью. Он сдавал до последнего года, когда уже задыхался на лестнице и засыпал в кабине крана в перерыв. В феврале 2023-го он заснул в кабине крана и не проснулся. Врач в клинике сказал: «серое сердце», как будто это был диагноз, а не приговор целому поколению. Йонасу Фальку был сорок один год.

Лео было тогда четырнадцать, и он помнил, что первой его мыслью на похоронах в Ольсдорфе было не «папа умер». Он подумал: сколько он должен был сдать, чтобы хватило? Шестьсот раз? Тысячу? И кому?

Он начал сдавать в сентябре 2024-го, в день, когда ему исполнилось шестнадцать. Мать подписала разрешение на кух-

не, не глядя на него, и потом ушла в ванную и долго не выходила. Подпись у неё вышла кривая.

На выезде из тоннеля, в Штайнвердере, лифт поднял его к рассвету. Небо над портом было серо-розовым, и в окнах высоток Вильгельмсбурга уже гасли ночные огни. Город ложился спать.

* * *

«Блок 9» стоял на краю Вильгельмсбурга у старой дамбы: пятнадцать этажей бетона семидесятих годов, балконы, затянутые сетками от голубей, и синяя табличка у входа: *Собственность Nox Meridian Bank AG. Управляющая компания: Meridian Living*. Лифт не работал с апреля. Лео затащил велосипед на одиннадцатый этаж на плече, считая пролёты. Двадцать два пролёта. На шестнадцатом в глазах потемнело, и он постоял, держась за перила, пока не прошло.

В квартире пахло жареным луком и маминым кремом для рук. Свет на кухне горел.

Мать спала в кресле в гостиной, в синей форме медсестры клиники Вей, не сняв даже бейдж: *Ханна Фальк, отделение ночного ухода*. Ноги она поджала под себя, руки спрятала в рукава. Она всегда мёрзла. Серые всегда мёрзнут. Лео осторожно накрыл её пледом с дивана, и она не проснулась, только сказала что-то во сне и затихла.

Мия сидела на кухне за столом, в отцовской толстовке,

которая была ей до колен, с блокнотом и ингалятором. Двенадцать лет, тёмные волосы, собранные в кривой хвост, и под глазами круги, как у взрослой. Перед ней на тарелке стоял кекс из магазина «Нетто», шоколадный, с одной розовой свечкой, вставленной криво.

— Ты почему не спишь? — сказал Лео. — Шесть утра. У тебя школа в два.

— Тихо, маму разбудишь. — Мия чиркнула зажигалкой. С третьего раза свечка загорелась. — Я тебя жду. С днём рождения, Капитан Кровник.

Он забыл. Он правда забыл. Он считал миллилитры, евро, адреса и пролёты, а про десятое сентября забыл.

— Загадывай, — сказала Мия. — Только вслух не говори, а то не сбудется. И не загадывай денег, это скучно.

Лео сел напротив и посмотрел на огонёк. Тот дрожал от сквозняка из щели в окне, которую они так и не заклеили.

Он не стал загадывать ничего. Просто задул.

— Тебе теперь восемнадцать, — сказала Мия и сделала пшик из ингалятора, слишком привычно, как взрослые курят. — Теперь можешь продавать кровь без маминой подписи. Поздравляю.

— Смешно.

— Я знаю. Я весь вечер придумывала. — Она пододвинула к нему блокнот. На странице был нарисован комикс: парень на велосипеде с жёлтым ящиком, в плаще, а над ним огромными буквами: *КАПИТАН КРОВНИК ПРОТИВ ВЕЧ-*

НОЙ ИПОТЕКИ. В последней клетке парень пробивал кулаком стеклянную башню, и из неё сыпались монеты. — Подарок. Это первый выпуск. Будет второй, там он побеждает приложение.

Лео смотрел на рисунок и не мог ничего сказать. Горло сжало, и он испугался, что если откроет рот, то заплачет, а он не плакал с похорон.

— Нормально? — спросила Мия.

— Лучший подарок в истории, — сказал он. Голос почти не подвёл.

Она довольно кивнула, слезла со стула и пошла спать, шлёпая босыми ногами. В дверях обернулась.

— Там письмо на столе, — сказала она. — Мама вчера читала и плакала. Я не открывала. Честно.

Когда за ней закрылась дверь, Лео ещё посидел, глядя на кекс. Потом посмотрел на холодильник, на отцовскую карту под магнитом-маяком. Триста двенадцать дырочек.

Письмо лежало под сахарницей. Такое же, как то, что лежало у него в рюкзаке: Лео нашёл свой экземпляр в почтовом ящике три дня назад и надеялся, что мать своего ещё не видела. Плотная серая бумага, закрытый круг Нокса в углу, и ниже аккуратным шрифтом:

Nox Meridian Bank AG. Уведомление о взыскании. Уважаемая ффрау Фальк, в связи с неуплатой трёх ежемесячных взносов по договору бессрочной ипотеки № 0049-НН-118-2009 банк уведомляет вас о начале процедуры изъ-

тия жилого помещения. Срок добровольного освобождения: 30 (тридцать) календарных дней. Сумма задолженности для урегулирования: 61 340,00 €. Благодарим вас за многолетнее сотрудничество. Всё возвращается.

Шестьдесят одна тысяча триста сорок. Он поделил на сто девяносто, как делал уже десятки раз. Триста двадцать три сдачи. Больше, чем у отца за всю жизнь. За тридцать дней.

Телефон дрогнул в кармане. Лео достал его не глядя, думая, что это опять RedDrop.

Это была «Мнемозина». На экране серебряный ворон с ключом в клюве и мягкий текст, который приходил каждому в Европе в день восемнадцатилетия:

Поздравляем с совершеннолетием, Лео! Ваша обязательная оценка кровного рейтинга назначена на 11 сентября, 10:00, Центр оценки Corvin Data, Юнгфернштиг, 14. Неявка: -200 КР. Ваша кровь — ваше будущее. Мы помним. — Corvin Data

Лео выключил экран. За окном над портом встало солнце, и окна «Блока 9» одно за другим загорелись жёлтым, как контейнеры на дисплее.

Он сидел на кухне и смотрел, как огонёк погасшей свечки ещё дымит тонкой струйкой. Мысль, которая пришла, была глупая, детская, как у Мии: что если его кровь на этой оценке окажется очень, очень хорошей?

Тогда, может быть, хватит.

Глава 2. Оценка

Центр оценки Corvin Data на Юнгфернштиг открывался в девять утра. Это было одно из немногих мест в Гамбурге, которые работали днём: «Мнемозине» не нужно было спать, а люди, которые обслуживали её анализаторы, были смертными и получали за дневные смены надбавку. Лео пришёл в девять сорок, поспав три часа, и встал в очередь сто шестнадцатым.

Очередь тянулась вдоль фасада, мимо витрин с часами и сумками, до самого угла Нойер Валль. Над входом висел серебряный ворон с ключом в клюве, а под ним бежала строка: *ВАША КРОВЬ — ВАШЕ БУДУЩЕЕ. МЫ ПОМНИМ*. Стояли одни восемнадцатилетние. Кого-то привели родители, кто-то пришёл компанией и делал вид, что всё это смешно. Двое парней впереди в одинаковых худи с логотипом Тальмара, видимо из спортивного интерната, спорили, у кого будет больше. Девочка с зелёными волосами сидела на бордюре и читала с телефона статью «Десять продуктов, которые поднимают КР за сутки». Пахло кофе из ларька на углу и озёрной водой: Альстер лежал через дорогу, серо-голубой, с белыми прогулочными парходиками у причала.

Лео стоял, засунув руки в карманы куртки, и считал. Сто шестнадцать человек. Процедура, если верить табличке, занимала четыре минуты. В центре восемь кабин. Сто шест-

надцать умножить на четыре и разделить на восемь — пятьдесят восемь минут. Он купил в ларьке кофе за три сорок, пожалел об этом и всё равно выпил.

Оценку проходили все. С 2016 года, когда «Мнемозина» ввела кровный рейтинг, каждый человек в Европе в день восемнадцатилетия получал вызов, а потом проверялся раз в год. От КР зависело всё. С рейтингом выше шестисот банк давал кредит под нормальный процент. Арендодатели в хороших районах не смотрели заявки с рейтингом ниже пятисот пятидесяти. На собеседованиях в Tal Security и в клиники Вей спрашивали КР раньше, чем имя. Ты мог закончить гимназию с отличием, но если у тебя «серая» кровь, ты оставался серым. Об этом не говорили вслух. Это просто было, как погода.

У Лео не было рейтинга. До восемнадцати RedDrop писал на его пакетах «КР — н/д», и покупатели доплачивали за молодость вслепую. Это было даже удобно. Сегодня у него появится число, и с этим числом он будет жить.

В десять сорок две из дверей центра вышла девушка. Высокая, в дорогом пальто, с мамой под руку. Мама улыбалась так, как улыбаются на свадьбах.

— Семьсот тридцать, — громко сказала она кому-то по телефону. — Да. Семьсот тридцать! Я же говорила, что витамины работают.

В очереди кто-то присвистнул.

Через десять минут вышел парень в рабочей куртке, с пла-

стырем на сгибе локтя. Он ни на кого не смотрел. Прошёл мимо очереди и остановился у парапета над Альстером. Лео видел, как он достаёт телефон, смотрит на экран, убирает обратно и снова достаёт, будто цифра могла измениться.

— Сколько? — спросил кто-то из тальмаровских парней.

Парень не ответил. Потом всё-таки сказал, не оборачиваясь:

— Четыреста двенадцать.

После этого в очереди стало тихо.

* * *

Кабина номер шесть была белая и тесная, как примерочная. В ней стояли кресло с подлокотником и серебристый аппарат размером с микроволновку, на котором был выгравирован ворон. За столом сидела лаборантка лет двадцати пяти, с короткой стрижкой и бейджем *Ким, техник оценки*. Она работала, не глядя: сканировала документ, читала с экрана, кивала.

— Фальк, Лео. Восемнадцать вчера. С днём рождения. — Она надела перчатки. — Донор?

— Да.

— Последняя сдача?

Лео подумал.

— Вчера.

Ким подняла на него глаза. В них не было осуждения,

только усталость человека, который слышит это пятидесять раз за смену.

— Это может немного понизить результат. Гемоглобин и всё такое. Но перенести нельзя, штраф двести баллов. Рука.

Он положил левую руку на подлокотник. Она протёрла палец, щёлкнул скарификатор. Капля крови была тёмная и круглая, почти чёрная в белом свете. Ким поднесла к ней тонкую серебристую пипетку, и аппарат взял каплю сам, с тихим всасывающим звуком.

— Четыре минуты, — сказала она. — Можете посмотреть на экран, все смотрят. Это успокаивает.

На экране аппарата крутилась анимация: серебряная капля, рассыпающаяся на спирали, графики, столбики. Внизу полоса загрузки. *Анализ состава. Анализ восстановления. Сравнение с базой «Мнемозины»: 412 018 334 записи.* Полоса дошла до трети, потом до половины.

Потом остановилась.

Анимация замерла. Капля на экране так и висела, наполовину рассыпанная. Аппарат загудел громче, как будто внутри что-то начали заново раскручивать. Пискнул три раза, коротко.

ОШИБКА 7-С. ЗНАЧЕНИЕ ВНЕ ШКАЛЫ. ПОВТОРИТЕ ЗАБОР.

— Ну вот, — сказала Ким без удивления. — Ещё палец.

Второй палец. Вторая капля. Те же четыре минуты, та же анимация, та же полоса до половины. Три писка.

ОШИБКА 7-С. ЗНАЧЕНИЕ ВНЕ ШКАЛЫ.

На этот раз Ким нахмурилась. Она развернула экран к себе, постучала по нему, открыла какое-то меню, которое Лео не видел. Он видел только её лицо в отражении тёмного стекла перегородки: она прочитала что-то, прочитала ещё раз, и у неё на секунду приоткрылся рот.

— Подождите, пожалуйста, — сказала она и встала. — Я позову старшего.

— Что-то не так?

— Всё нормально. Просто калибровка. Подождите здесь.

Она вышла. Дверь закрылась мягко, на доводчике. Лео остался один с аппаратом, на экране которого так и висела красная надпись.

Он считал. Это было лучше, чем думать. Двадцать секунд. Сорок. Минута. В соседней кабине кто-то засмеялся, кто-то сказал «шестьсот пять, нормально». Две минуты. Три. Палец, из которого взяли вторую каплю, пульсировал под пластырем. Пять минут. Он вдруг понял, что сидит, вцепившись в подлокотник так, что побелели костяшки, и разжал руку.

Через семь минут дверь открылась, и вошёл человек в сером костюме.

Ему было за сорок, у него было гладкое неприметное лицо и такие же гладкие неприметные волосы, и, если бы Лео встретил его на улице, через минуту не вспомнил бы, как тот выглядел. Это, видимо, и было его работой. На лацкане у него был маленький серебряный значок, ворон без ключа.

Ким вошла за ним и встала у двери. На Лео она больше не смотрела.

— Херр Фальк, — сказал человек и улыбнулся одними губами. — Маркус Эберт, отдел калибровки. Прошу прощения за задержку. Ваш образец дал нестандартный результат. Такое бывает, в одном случае на несколько тысяч. Обычно дело в аппарате. Нам нужно взять ещё немного крови для калибровки, чтобы исключить ошибку. Это займёт пять минут.

— Сколько «немного»?

— Четыре пробирки. Венозная кровь.

— Я сдавал вчера четыреста пятьдесят.

— Мы знаем, — сказал Эберт так же спокойно, и Лео подумал: «Откуда?» — Это всего сорок миллилитров. Вы даже не заметите. А без калибровки результат не будет внесён, и по закону это приравнивается к неявке. Минус двести баллов. Вы же этого не хотите.

Лео посмотрел на Ким. Ким смотрела в пол.

Он закатал рукав.

Эберт сам надел перчатки и сам поставил иглу, умело, почти так же хорошо, как Док. Четыре пробирки с серыми крышками наполнились одна за другой. Кровь шла быстро и легко. Лео смотрел на неё и чувствовал, как от неё уходит тепло, будто она уносит его с собой. В глазах на краях зрения поползли тёмные пятна. Он сжал зубы.

Эберт поставил пробирки в штатив, достал телефон и сфотографировал одну на свет. Потом начал набирать сооб-

щение. Стоял он спиной к Лео, лицом к перегородке, и не учёл того, что Лео замечал всегда: перегородка была из тёмного стекла, а в тёмном стекле, если сзади горит белая лампа, отражается всё, в том числе экран телефона.

Лео прочитал сообщение, пока Эберт его печатал. Читать зеркально он научился ещё курьером, по наклейкам на контейнерах, которые лежали кодом вниз.

Гамбург, Юнгфернитиг. Фальк, Лео, 10.09.2008. Ж.К. подтверждено, 2 из 2. Образцы у меня. Жду указаний.

Эберт нажал «отправить». Обернулся. Лео уже смотрел в потолок.

— Всё, — сказал Эберт. — Спасибо за терпение, херр Фальк. Результат придёт вам в приложение, как только мы закончим калибровку. Обычно это занимает до трёх дней. Ким проводит вас.

— Что такое «Ж.К.»? — спросил Лео.

Он не собирался спрашивать. Вопрос вышел сам, как у Мии, когда она чего-то не понимает и не может промолчать.

Эберт улыбнулся ему так же, как в первый раз, одними губами. Его глаза не изменились совсем.

— Внутренняя маркировка, — сказал он. — Желательна калибровка. Всего хорошего.

* * *

На улице светило солнце. Лео дошёл до парапета над Аль-

стером, туда, где полчаса назад стоял парень с четырьмястами двенадцатью, и сел прямо на камень, потому что ноги вдруг кончились. Озеро блестело так, что было больно глазам. Пароходик отходил от причала, на верхней палубе махали туристы. Лео смотрел на них и думал, что сорок миллилитров — это ерунда, это даже не стакан, а голова при этом кружится так, будто он сдал литр.

Телефон дрогнул. Он вытащил его, ожидая цифру.

Приложение «Мнемозины» открылось на его профиле. *Лео Фальк, 18. Гамбург. Донор.* Ниже, там, где у всех стояло число в серебряном круге, у него был прочерк.

Кровный рейтинг: —Статус: результат обрабатывается.

Он закрыл приложение и открыл снова. Прочерк никуда не делся.

«Ж.К. подтверждено». Он перебирал варианты, как перебирают ключи на связке. Желательна калибровка — ерунда, никто так не пишет. Жёлтый код? Женская кровь — бред. Живой контракт? Он подумал о фрау ван Ален в лобби «Меридиана», о том, как она втянула воздух, и спина у него покрылась мурашками, хотя солнце грело.

Он полез в поиск и набрал «ж.к. кровь корвин». Первые три страницы были про жилищные кооперативы. На четвёртой нашёлся форум донорского сообщества, полузаброшенный, с ветками трёхлетней давности. В одной из них человек под ником *nullpunk* писал: *Говорят, у Корвинов есть внут-*

ренная категория для тех, кто вылетает за шкалу. «Живая кровь». Восстанавливается в разы быстрее. Говорят, таких вызывают на повторную оценку и больше о них никто не слышит. Под этим было два ответа. Первый: *Байки*. Второй, через год: *nullpunkt, ты где? Ты пропал*.

Больше ответов не было.

Лео сидел над водой и смотрел на эту строчку, пока экран не погас сам.

* * *

Вечером мать не пошла на работу.

Это было так непривычно, что Лео, проснувшись в пять вечера, сначала решил, что проспал до утра. Но за окном садилось солнце, а мать сидела на кухне в домашнем свитере, и перед ней на столе лежало письмо Nox Meridian, разглаженное ладонью, как будто его можно было разгладить до другой суммы.

— Я взяла отгул, — сказала Ханна, не поднимая головы.
— Первый за год. Сядь.

Он сел. Мия была в своей комнате: из-под двери пробивался свет и слышалось, как она что-то бубнит под нос, рисуя. Она всегда бубнила, когда рисовала.

— Ты видел, — сказала мать. Не спрашивала.

— Три дня назад. Мне тоже пришло.

— И ничего не сказал.

— Я хотел сначала придумать, что делать.

Ханна подняла на него глаза. Ей было сорок три, а выглядела она на пятьдесят. Седина на висках, которую она перестала закрашивать после смерти отца, сухая кожа на руках, синяки под глазами, такие же, как у Мии. Серые всегда выглядят старше. Говорят, в этом есть какая-то справедливость: Вечные молодеют за их счёт, а они стареют за Вечных.

— Придумал? — спросила она.

Лео достал телефон и показал ей экран. Сто девяносто евро от RedDrop вчера, ещё двести двадцать за прошлую неделю, двести десять за позапрошлую. Курьерские. Всего на счёте было тысяча сто сорок евро.

— Это не шестьдесят одна тысяча, — сказала мать.

— Я знаю.

— Ты сдавал вчера?

— Да.

— И сегодня у тебя брали на оценке.

— Немного.

Она закрыла глаза. Лео видел, как у неё дрогнули губы, и понял, что сейчас она заплачет, а он ненавидел, когда она плакала, потому что ничего не мог с этим сделать. Но она не заплакала. Она открыла глаза и сказала очень ровно:

— Сколько у тебя вышло?

— Нисколько. Прочерк. Сказали, ошибка аппарата, нужна калибровка. До трёх дней.

Он ожидал чего угодно, только не того, что произошло.

Мать побледнела. Она и так была бледной, серой, но тут из её лица ушли последние краски, и стало видно, какая тонкая у неё кожа на висках.

— Прочерк, — повторила она.

— Мам?

— Они у тебя ещё брали? Отдельно? Кто-то в сером?

Лео смотрел на неё.

— Откуда ты знаешь?

Ханна встала, подошла к холодильнику и остановилась перед ним, перед донорской картой отца под магнитом-маяком. Триста двенадцать дырочек. Она протянула руку и коснулась карты кончиками пальцев, так, как касаются фотографии.

— В шестнадцатом году, — сказала она, не оборачиваясь, — когда ввели рейтинг, твой отец тоже пошёл на оценку. Ему было тридцать четыре, все шли. У него вышло девятьсот двенадцать. Тогда ещё не прятали. Такие числа показывали, а потом за ними стали приходить. Пришёл человек в сером, предложил живой контракт с каким-то Домом, восемь тысяч в месяц. Мы тогда жили на его зарплату крановщика. Восемь тысяч. Он отказался. Сказал, что кусать себя не даст, что будет сдавать как все, в обычном пункте, по своей воле, и никому не будет принадлежать. — Она помолчала. — Они приходили ещё три раза. Потом перестали. А его рейтинг через год стал шестьсот, потом пятьсот, потом триста. Он сдавал слишком много. Он хотел, чтобы у нас было всё, и при этом

не продаваться. Так не бывает, Лео. Либо одно, либо другое.
— Ты никогда не рассказывала.

— А зачем? Чтобы ты знал, что у тебя может быть такая же кровь? — Она обернулась, и теперь глаза у неё были мокрые. — Я молилась, чтобы у тебя вышло пятьсот. Обычные пятьсот. Чтобы ты был никому не интересен.

Из комнаты Мии донёсся кашель, сухой, захлёбывающийся, потом знакомый пшик ингалятора. Мать дёрнулась к двери и остановилась: кашель стих.

— Ингалятор подорожал, — сказала она тише. — Девяносто четыре евро. С октября будет сто двенадцать, пришло уведомление из аптеки. Страховка больше не покрывает, потому что у меня КР упал ниже порога.

Лео смотрел на свои руки на клеёнке. Тысяча сто сорок евро. Шестьдесят одна тысяча триста сорок. Двадцать девять дней. Девяносто четыре евро, потом сто двенадцать. Он мог сдавать через RedDrop раз в неделю, если не падать в обмороки, и ещё раз через второй аккаунт, если Док не узнает. Четыреста евро в неделю. Тысяча семьсот в месяц. Курьерские — ещё тысяча, если брать двойные смены. Он мог посчитать это любым способом, и каждый раз выходило одно и то же: даже если он отдаст всю кровь, какая у него есть, через двадцать девять дней они будут жить на улице.

Если только эти люди в сером не заплатят больше.

Он поднял голову, и мать, кажется, прочитала это у него на лице, потому что быстро сказала:

— Нет.

— Я ничего не сказал.

— Ты подумал. Я видела, как твой отец думал то же самое. Нет, Лео. — Она подошла и взяла его лицо в ладони. Ладони были холодные. — Что бы они тебе ни предложили. Ты слышишь меня?

— Слышу.

Она поцеловала его в лоб, как в детстве, и ушла в ванную. Через минуту там зашумела вода. Лео знал, что она включает её, когда плачет.

* * *

Ночью он не пошёл на смену. В первый раз за полгода. Он лежал в своей комнате, в которой помещались только кровать, стол и велосипед, и смотрел в потолок, на трещину, похожую на русло Эльбы. Телефон лежал на груди экраном вниз. Каждые полчаса он переворачивал его и проверял приложение.

Кровный рейтинг: —

В половине третьего он встал попить воды и подошёл к окну на кухне. Одиннадцатый этаж. Внизу двор «Блока 9», мусорные баки, детская площадка с одной целой качелей, фонарь, вокруг которого кружилась мошकारа.

Под фонарём стояла машина.

Длинная, чёрная, с тонированными стёклами. Стёкла в

свете фонаря отливали янтарём, как окна башен HafenCity. У таких машин стоял фильтр, Лео знал это: он однажды возил контейнер на парковку «Меридиана», и там было полно таких машин. В «Блоке 9» на такой не ездил никто. Здесь у половины жильцов не было денег даже на проездной.

Двигатель не работал. Фары не горели. Внутри никто не шевелился, или Лео просто не мог этого разглядеть.

Он стоял у окна и смотрел на неё, наверное, минут десять. Машина стояла.

В тёмном стекле со стороны пассажира на мгновение мигнули две зелёные точки, будто кто-то внутри повернул голову к свету фонаря.

Лео отступил от окна. Задёрнул штору, которую они никогда не задёргивали, потому что на одиннадцатом этаже никто не смотрит в окна. Сердце колотилось, громко, слишком громко.

Я слышала его ещё из лифта.

Он проверил замок входной двери. Потом проверил ещё раз. Потом сел на пол в коридоре, спиной к двери, и так сидел до рассвета, пока внизу, во дворе, не завёлся мотор и машина медленно не уехала, когда первые лучи солнца коснулись верхушек кранов в порту.

Глава 3. Наследница

— Ещё раз, — сказала Фрида. — Ты моргнула на «вечности».

Ада Корвин стояла у стеклянной стены на тридцать втором этаже Серебряной башни, спиной к фьорду, и улыбалась в камеру телефона, которую Фрида держала на стабилизаторе. За стеклом, над чёрной водой и чёрными горами, по небу медленно шло северное сияние: широкая зелёная лента с розовой кромкой, как будто кто-то вёл кистью по мокрой бумаге. Сияние было хорошим. В сентябре оно бывало не каждую ночь, и Фрида с девяти вечера держала на телефоне прогноз, чтобы не пропустить. Ради этих сорока секунд Ада уже два часа стояла в кашемировом свитере цвета пепла и тонких серебристо-серых перчатках.

— Ещё раз, — согласилась она.

Она закрыла глаза, сосчитала до трёх и открыла их уже в нужном выражении. Немного усталости, немного тепла, никакой позы. За шесть лет она выучила этот механизм так, как пианист выучивает гаммы: лицо делало всё само, а голова в это время была свободна.

— Привет, — сказала она в камеру. — Здесь почти полночь, и вы видите, что у нас сегодня за окном. Через десять дней начинается Четырнадцатый Сезон. Меня всё время спрашивают, боюсь ли я. Честно? Да. Я думаю, бояться

нормально. Бояться значит понимать, чего стоит то, что ты хочешь. А я хочу вечности. — Пауза, полвздоха, взгляд чуть в сторону, на сияние, и обратно. — Не для себя. Для того, чтобы у меня было время сделать всё, что я обещала. Десять дней. Я с вами.

— Есть, — сказала Фрида и опустила телефон. — Идеально. Это даже лучше, чем на прошлой неделе. «Не для себя» — откуда это?

— Само пришло.

— Оставь в описании. Через час будет миллион. — Фрида уже листала кадры большим пальцем. Ей было двадцать девять, она пришла в отдел публичности Corvin Data из рекламного агентства в Копенгагене и вела Аду четвёртый год. Иногда Аде казалось, что Фрида знает её лицо лучше, чем она сама. — Я ухожу, у меня в час созвон с Lumen. Не забудь: Леди ждёт тебя в половине первого.

— Я помню.

— Ты всё помнишь. — Фрида улыбнулась ей по-настоящему, коротко, уже в дверях. — Поешь что-нибудь. Ты прозрачная.

Дверь закрылась. Ада осталась одна в комнате, где стены были из стекла, а мебель из светлого дерева и серой кожи, где на полке стояли две награды Lumen «Голос поколения» и одна фотография в рамке. На фотографии десятилетняя Ада держала за руку Ингрид Корвин на ступенях Стокгольмской ратуши. Обе были в перчатках.

Она подождала, пока шаги Фриды стихнут в коридоре. Потом стянула правую перчатку.

Ногти под ней были обкусаны до мяса. На указательном пальце кожа у края ногтя содрана и запеклась тёмной коркой. На среднем то же самое. Она посмотрела на свои пальцы так, как смотрят на чужие, с лёгким отвращением, и снова надела перчатку. Тридцать миллионов подписчиков думали, что она носит перчатки из уважения к Леди Корвин и к традиции Дома. Перчатки у неё скупали тысячами, серые и серебристые, тонкие, по сто двадцать евро пара, и в Сеуле этой весной вышла целая коллекция «Корвин-стиль». Ни один из тридцати миллионов не знал, что под перчатками.

Таблетки лежали в ванной, в косметичке, в баночке из-под витаминов. Пропранолол, десять миллиграммов. Его выписал ей врач из Осло, которого она нашла сама, без Дома, и оплачивала со своей карты, не той, что давала ей Corvin Data. Он помогал, когда начиналось: когда сердце вдруг начинало колотиться без причины, а комната отъезжала назад, как в плохом кино, и воздуха становилось не хватать, хотя она дышала. Это начиналось перед эфирами, перед экзаменами, перед встречами с Ингрид. Чаще всего перед встречами с Ингрид, и Ада не хотела думать, почему.

Она проглотила таблетку, запила водой из-под крана и посмотрела на себя в зеркало. Восемнадцать лет. Светлые волосы, почти белые в холодном свете, собранные в низкий узел. Серые глаза. Скулы, за которые фанаты называли её «ледя-

ной». Лицо было в порядке, лицо всегда было в порядке.
Осталось двадцать минут.

* * *

Кабинет Ингрид Корвин был на тридцать восьмом этаже, и в нём не было ни одного экрана.

Это всегда удивляло новых сотрудников. Дом Корвин владел «Мнемозиной», половиной серверов Европы и всеми данными, какие только можно было собрать о человеке, а глава Дома работала за дубовым столом семнадцатого века, при свете двух ламп с зелёными абажурами, в окружении бумаги. Стены были в книжных шкафах до потолка. В шкафах стояли гроссбухи в кожаных переплётках, папки, перевязанные лентами, письма в коробках. Ингрид не нужны были бумаги, чтобы помнить: дар Корвинов давал ей абсолютную память на всё, что она видела за четыреста лет. Ада однажды спросила её, зачем тогда всё это. Ингрид ответила: «Затем, что бумагу можно сжечь. Память нельзя. Мне нравится знать, что у меня есть выбор».

Ингрид сидела за столом и писала перьевой ручкой. Когда Ада вошла, она не подняла головы, только сказала:

— Садись. Минуту.

Ада села в кресло напротив, сложила руки на коленях и стала ждать. Это тоже было частью механизма: ждать, не ёрзать, не смотреть в телефон, не трогать волосы. Она смотре-

ла на руки Ингрид. Длинные пальцы в перчатках из тонкой серой лайки, почти до локтя. Ингрид носила перчатки всегда, сколько Ада себя помнила, даже дома, даже за едой, если можно так назвать то, что Вечные пили из бокалов. Однажды, ещё маленькой, Ада спросила, почему. Ингрид сказала: «Руки — самое честное, что у нас есть. Я не люблю, когда меня читают». Ада тогда не поняла. Потом начала носить перчатки сама.

Перо скрипнуло, остановилось. Ингрид отложила ручку, промокнула лист и подняла глаза.

Ей можно было дать сорок. Гладкое лицо с высокими скулами, серые глаза, волосы цвета стали, собранные так же, как у Ады, в низкий узел. Ада поняла это только сейчас, в первый раз за много лет, и на секунду ей стало неловко, как будто её поймали на подражании.

— Пост вышел? — спросила Ингрид.

— Двадцать минут назад. Фрида говорит, через час будет миллион.

— Фрида оптимистка. Будет полтора. «Не для себя» — хорошо. Это правда?

Вопрос был задан тем же ровным голосом, и Ада ответила так же ровно:

— Наполовину.

Ингрид чуть улыбнулась. Ада знала эту улыбку: так Ингрид улыбалась, когда ответ ей нравился.

— Наполовину — это честно. Люди, которые хотят веч-

ности «только не для себя», лгут или глупы. Люди, которые хотят её только для себя, опасны. Ты не то и не другое. Поэтому ты здесь. — Она откинулась на спинку стула. — Десять дней. Как ты?

— Готова.

— Я спросила не об этом.

Ада помолчала. Под перчатками заныли пальцы.

— Мне страшно, — сказала она. — Не испытаний. Я знаю программу наизусть, я прошла её трижды на симуляторах. Мне страшно, что я буду первой и это всё равно будет недостаточно.

— Для кого?

— Для вас.

Ингрид посмотрела на неё долгим взглядом, и Ада заставила себя не отвести глаз.

— Ты будешь первой, — сказала Ингрид. — Это не обсуждается и не должно тебя тревожить. На этот Сезон смотрят больше, чем на любой другой. Тринадцатый закончился хорошо, Сельма Ос дала нам лучший год за всю историю Академии. Её первое видео «оттуда» посмотрели сорок миллионов. Мир хочет историй. Ты будешь лучшей историей. Наследница Корвин, которая прошла путь честно, наравне со всеми. Поэтому ты пойдёшь не одна. Мне нужно, чтобы ты смотрела по сторонам.

Она открыла ящик стола и достала оттуда то единственное, что в кабинете было из этого века, тонкий чёрный план-

шет. Положила его перед Адой экраном вверх.

На экране был список. Двадцать строк. Фотографии, имена, города, возраст, кровный рейтинг. Вверху серебряным шрифтом: *Четырнадцатый Сезон. Стипендиаты.*

Ада посмотрела на дату в углу экрана. Двенадцатое сентября. Лотерея была назначена на четырнадцатое. Через два дня Жюльен Аргент выйдет в эфир Lumen и при двух миллиардах зрителей будет вытягивать из стеклянного барабана имена, одно за другим, из сорока миллионов доноров мира.

— Лотерея ещё не прошла, — сказала она.

— Не прошла, — согласилась Ингрид.

— Тогда откуда список?

Она сказала это прежде, чем успела подумать, и тут же пожалела, потому что вопрос прозвучал как обвинение. Но Ингрид не рассердилась. Она посмотрела на Аду с чем-то похожим на одобрение.

— Хороший вопрос. Ты будешь задавать его себе ещё много раз, и правильно. — Она сложила руки в перчатках на столе. — Лотерея случайна, Ада. Внутри короткого пула. Сорок миллионов имён проходят через «Мнемозину». Мы отсеиваем больных, тех, кто не переживёт Причастие, тех, кто через месяц сломается, психически нестабильных, преступников. Остаётся несколько сотен. Аргент выбирает из них тех, кто даст хорошие истории, и дальше барабан действительно крутится. Но из этих двадцати. Мир не готов к полной случайности. Полная случайность приносит на сце-

ну людей, которые умирают на первом испытании в прямом эфире. Это было в Первом Сезоне. Ты помнишь, чем это кончилось.

Ада помнила. Первый Сезон, 2013 год, ей было пять. Она не видела его, но потом изучала все Сезоны по записям: стипендиат из Марселя, у которого после первого Причастия остановилось сердце. Прямо на тренировке, на камеру. Рейтинги Lumen упали на сорок процентов, и Конклав чуть не закрыл Академию.

— Это не обман, — сказала Ингрид. — Это редактура. Ты сама каждый день делаешь то же самое. Сорок дублей, и выходит один. Он правдивый? Да. Он единственный? Нет.

Ада кивнула. Это было логично. Это было так логично, что внутри стало немного стыдно за вопрос.

Она опустила взгляд на список и стала читать, как её учили: быстро, с запоминанием. Двадцать лиц.

Прия Наир, Мумбаи, 19, КР 721. Матео Руис, Сан-Паулу, 20, КР 688. Оскар Линд, Мальмё, 18, КР 702: светловолосый мальчик с круглым лицом и такой широкой улыбкой на фото с документов, что она казалась нарочной. Нин Чжоу, Шэньчжэнь, 18, КР 694. Рядом с именем Нин стояла маленькая красная пометка.

— Чжоу, — сказала Ада.

— В пятнадцать лет взломала собственный рейтинг и подняла его на двести баллов. Продержалось три месяца, потом «Мнемозина» нашла. Её внесли в чёрный список.

— И вы берёте её в Академию?

— Именно поэтому. Таких людей лучше держать там, где ты их видишь. — Ингрид чуть шевельнула пальцами. — Дальше.

Ада читала дальше. Четырнадцатая строка. Пятнадцатая.

Лео Фальк, Гамбург, 18. КР: —

Фотография была плохая, с документов или с камеры в центре оценки. Тёмные волосы, давно не стриженные. Худое лицо. Острые скулы, серые глаза, тени под ними, как у человека, который давно не спал. Он смотрел не в камеру, а куда-то чуть выше, и вид у него был такой, будто он что-то считает в уме и ему не нравится результат.

Прочерк вместо числа. Ни у кого больше в списке прочерка не было.

— У него нет рейтинга, — сказала Ада.

— Есть, — сказала Ингрид. — Его просто ещё нет в системе. Вчера был день его восемнадцатилетия, оценку он проходил сегодня утром. Калибровка.

— Какой у него результат?

Ингрид посмотрела на неё. Секунда. Две. Ада почувствовала, как под свитером медленно и тяжело ударило сердце, один раз. Пропранолол держал его, не давал разогнаться.

— Высокий, — сказала Ингрид. — Это всё, что тебе нужно знать.

— Гамбург, — сказала Ада, просто чтобы что-то сказать. — Город волков.

— Да. И это вторая причина, по которой я тебе его показываю. В прошлом ноябре его лучшего друга при облаве Tal Security опознали как бешеного. Друг исчез. У мальчика тяжёлая жизнь, долги, сестра больна, отец умер от серого сердца. Он донор с шестнадцати. Такие люди бывают очень благодарны, когда им дают шанс. А бывают очень злыми. — Ингрид протянула руку и выключила планшет. Экран погас, лицо Лео Фалька исчезло. — Присмотри за ним. Стипендиаты бывают опасны, Ада. Они приходят из мира, который нас ненавидит, и некоторые приносят эту ненависть с собой. Я хочу знать, кто он, раньше, чем он сам это узнает.

— Вы хотите, чтобы я за ним шпионила.

— Я хочу, чтобы ты была внимательной. Ты умеешь читать людей лучше всех, кого я знаю. Кроме меня. — Короткая улыбка. — Подружись с ним, если сможешь. Не сможешь — наблюдай. Раз в неделю пиши мне. Коротко.

Ада почувствовала то, что всегда чувствовала, когда Ингрид давала ей поручение: маленький тёплый толчок в груди, гордость, почти детскую. Ей доверяли. Ингрид Корвин, которой было четыреста пятнадцать лет и которая держала в памяти всё, что когда-либо видела, доверяла ей.

— Хорошо, — сказала она.

— Хорошо, — повторила Ингрид. — Иди спать. Завтра у тебя тренировка с Элиасом в восемь вечера, он жалуется, что ты опаздываешь.

— Я опоздала один раз. На четыре минуты.

— Элиас помнит каждую минуту. Он Корвин.

Ада встала, поклонилась, как полагалось, коротким наклоном головы, и пошла к двери. Уже у двери она обернулась.

— Леди Корвин.

— Да?

— Вы сказали, что Сельма дала лучший год. Вы с ней говорили? После?

Ингрид, которая уже взяла ручку, подняла глаза.

— Каждую ночь, — сказала она. — Иди.

* * *

В лифте Ада прислонилась затылком к холодной зеркальной стене и закрыла глаза.

Ей почему-то вспомнились родители. Это бывало редко, и всегда одинаково, всегда одна и та же картинка, как фотография, которую слишком долго держали на свету: кухня с жёлтыми занавесками. Мама сидит за столом спиной к окну, у неё светлые волосы, как у Ады, собранные в хвост. Папа стоит у плиты и смеётся, запрокинув голову. Пахнет блинами. Ей четыре или пять, она сидит на полу и катает по линолеуму деревянную машинку. Вот и всё. Дальше ничего. Ни что было до, ни что было после. Потом, сразу, детский дом в Копенгагене, белые стены, и Ингрид в дверях, в перчатках, присевшая перед ней на корточки, и вопрос: «Хочешь пойти

со мной?»

Родители были донорами. Это Ада знала. Они сдавали кровь, потому что у них не было денег, и сдавали слишком много, и умерли от серого сердца, оба, с разницей в полгода, когда ей было шесть. Ингрид рассказала ей это, когда ей исполнилось десять, спокойно и честно, и Ада тогда долго плакала, а Ингрид сидела рядом и не трогала её, только была рядом. Это было правдой. Это было одним из тех знаний, которые просто есть, как своё имя.

Ада стояла в лифте и смотрела изнутри на картинку с жёлтыми занавесками. Папа смеётся у плиты. Она попробовала услышать, как он смеётся.

Тишина.

Она попробовала услышать маму. Что угодно. Как мама зовёт её по имени. Как говорит «доброе утро». Как поёт: мамы же поют. Ада напряглась так, что заломило виски, и картинка в голове стала только ярче, отчётливее, жёлтые занавески, светлый хвост, запах блинов.

И ни звука. Ни одного. Как будто кто-то выключил у этого воспоминания звук и оставил только изображение. Как пост без музыки.

Лифт мягко остановился на тридцать втором. Двери открылись. Ада не вышла. Она стояла и смотрела на своё отражение в зеркальной стене: бледная девушка в сером, перчатки, низкий узел волос. Она поняла вдруг, что не помнит, какого цвета у мамы были глаза.

Двери начали закрываться. Она поставила ногу в проём, и они снова разъехались.

Глупости. Ей было шесть. Шестилетние не помнят цвет глаз. Никто не помнит голоса из детства, это нормально, это просто мозг, он стирает лишнее. Она читала об этом. Детская амнезия, это даже не болезнь.

Она вышла из лифта, дошла до своей двери и уже приложила к замку ладонь, когда вспомнила, что оставила планшет с расписанием на столе у Ингрид. Утром он понадобится Элиасу. Можно было позвонить Фриде. Можно было подождать до вечера.

Ада вернулась к лифту.

Двери кабинета на тридцать восьмом были закрыты не до конца: тяжёлая дубовая створка стояла на ширину ладони. Изнутри горел зелёный свет ламп. Ада подняла руку, чтобы постучать, и услышала голос Ингрид. Ингрид говорила по телефону, по-шведски. Шведскому Ада училась с семи лет и знала его не хуже немецкого и английского.

— ...подтверждено дважды, — говорила Ингрид. — Эберт прислал фото. Да. Нет, не прочитал бы, я смотрела запись из кабины, мальчик ничего не понял. Элиас, ты меня не слышишь. Я сказала: лучше. Не такой же. Лучше Сельмы. Гораздо лучше. Такого не было с восемнадцатого года.

Ада стояла у двери с поднятой рукой.

— Да, — сказала Ингрид за дверью, тише. — Да. Я понимаю, сколько это значит. Поэтому он пойдёт пятнадцатым,

Аргент уже знает. И поэтому я поставила рядом с ним Аду. — Короткая пауза. И потом, с интонацией, которой Ада никогда у неё не слышала, сухой и почти усталой: — Потому что ей он поверит. Им всегда легче поверить таким, как она.

Ада опустила руку.

Она стояла ещё несколько секунд, слушая, как сердце медленно, тяжело бьётся под пропранололом, ровно, как маятник. Развернулась и бесшумно пошла обратно к лифту. Планшет с расписанием подождёт до вечера.

В лифте она сказала себе, что всё понятно. Лео Фальк — очень сильный кандидат, сильнее Сельмы. Ингрид хочет, чтобы Корвин не упустил его, потому что сильный стипендиат — это лучший год, это рейтинги, это история. «Ей он поверит» означало просто, что Ада умеет находить с людьми общий язык. Ингрид сама так сказала: ты читаешь людей лучше всех.

Это было логично. Это было так логично, что Ада повторила это себе дважды, пока лифт спускался, а когда двери открылись на тридцать втором, ей вдруг пришлось схватиться за поручень, потому что комната поехала назад, как в плохом кино, и воздуха не хватило, хотя она дышала. Таблетка не помогла.

Ада Корвин стояла в пустом коридоре Серебряной башни, вцепившись в поручень рукой в серой перчатке, и в первый раз за много лет не понимала, почему ей так страшно.

Глава 4. Лотерея

Лотерею Четырнадцатого Сезона в «Блоке 9» смотрели все, даже те, кто говорил, что не смотрит.

Лео понял это ещё в восемь вечера, когда спускался за хлебом. В подъезде на третьем этаже гремел телевизор фрау Оконкво: она включала его на полную громкость, потому что плохо слышала, и сейчас из-за её двери неслась заставка Lumen, северное сияние и хор. Во дворе на скамейке у качелей сидели трое мальчишек из соседнего подъезда с одним телефоном на троих и спорили, кого вытащат первым. Старый херр Петерсен, который двадцать лет работал с отцом в порту и при каждой встрече говорил Лео «держись, парень», вынес на балкон второго этажа табуретку и маленький радиоприёмник. На балконе пятого кто-то натянул простыню и включил проектор.

Лео купил хлеб, молоко и пачку макарон по акции и поднялся обратно, считая пролёты. Двадцать два. На восемнадцатом он остановился передохнуть, но голова сегодня не кружилась. Он не сдавал кровь уже пять дней, и тело, кажется, удивлялось этому не меньше, чем он сам.

Приложение «Мнемозины» показывало прочерк.

Мать собиралась на смену. Она стояла в прихожей в синей форме, застёгивая пуговицы, и одновременно искала ключи в сумке, и одновременно говорила Мие, что в десять та должна быть в кровати, а Мия сидела на подлокотнике дивана перед телевизором с ингалятором в руке и отвечала: «Ага, конечно».

— Начинается, — сказала Мия. — Мама, начинается. Пять минут.

— У меня смена в десять.

— Тебе ехать двадцать минут на S-бане. Ещё сорок можешь смотреть.

— Мия.

— Лео, скажи ей.

— Мне всё равно, — сказал Лео и прошёл на кухню, чтобы положить хлеб.

— Врёшь, — сказала Мия. — Ты весь день смотрел в телефон.

Он не ответил. Он действительно весь день смотрел в телефон. Утром он проверил приложение семь раз. Днём, когда должен был спать, ещё двенадцать. Прочерк не менялся. «Результат обрабатывается». Три дня, сказал человек в сером. Три дня прошли сегодня в десять утра.

Телевизор у них был старый, с трещиной в углу экрана,

которую Мия заклеила стикером с котом. Сейчас на нём во весь экран горел Белый театр на Карфаксе, огромная раковина из белого камня под стеклянным куполом, а над куполом шевелилось сияние. Камера медленно облетала зал. Ложи, тёмные, в глубине которых иногда вспыхивали зелёные и золотые точки. Партер с публикой в вечерних нарядах. Посреди сцены стоял высокий стеклянный барабан размером в человеческий рост, а в нём лежали тысячи маленьких хрустальных капсул и медленно пересыпались, когда барабан поворачивался.

— Сорок миллионов имён, — сказал голос из телевизора, и Лео, стоя на кухне с пачкой макарон в руке, почувствовал, как этот голос вошёл ему в грудь, тёплый и мягкий, как глоток горячего чая. — Сорок миллионов юношей и девушек от восемнадцати до двадцати одного года, которые делятся с миром своей кровью. Двадцать судеб. Добрый вечер, мир.

Жюльен Аргент вышел на сцену, и публика в зале встала. Белый смокинг, золотая нить, ямочка, улыбка. Ему аплодировали минуту. Он стоял и ждал, и под его улыбкой даже ложи, казалось, светились мягче.

Мать стояла в дверях гостиной с ключами в руке и смотрела на экран.

— Я опоздаю, — сказала она, ни к кому не обращаясь, и не двинулась с места.

Лео поставил макароны на стол и тоже пришёл в гостиную. Он сел на пол у стены, подальше от экрана, будто так

голос Аргента действовал слабее. Это, конечно, была ерунда. Дар Аргента Круга IV проходил через любой динамик и любой кабель. Об этом говорили открыто. Это называлось «благоприятный эмоциональный фон трансляции» и было разрешено Хартией, статья сорок четвёртая, при условии предупреждения в начале эфира. Предупреждение мелькнуло мелким шрифтом в углу экрана на три секунды: *Трансляция содержит элементы эмоционального сопровождения Дома Аргент*. Мия, наверное, даже не заметила.

Первой вытащили девушку из Мумбаи.

Аргент запустил руку в барабан, не глядя, и вынул хрустальную капсулу. Поднял её к свету. Внутри капсулы на тонкой полоске серебра было выгравировано имя, и оно же загорелось на огромном экране над сценой.

— Прия Наир, — сказал Аргент. — Мумбаи. Девятнадцать лет.

Экран разделился. На второй половине появилась Индия: тесная комната, ночь, вентилятор под потолком, человек двадцать, сгрудившихся у телефона. Когда они увидели себя на экране, все разом закричали. Девушка в центре, худая, с длинной косой, закрыла лицо руками и упала на колени. Какая-то женщина, наверное мать, обнимала её и плакала, и кто-то бил в кастрюлю.

— Прия, — сказал Аргент очень тепло. — Добро пожаловать в Вечность.

— Как они так быстро? — спросила Мия. — У них уже

камера стоит. Откуда они знали?

— Они ставят камеры всем, — сказал Лео. — Сорока миллионам.

— Правда?

Он не знал. Ему вдруг очень захотелось, чтобы это было правдой.

Второй — парень из Сан-Паулу, Матео Руис. Третьей — девушка из Лагоса. Четвёртым — мальчик из Мальмё, светловолосый, с круглым лицом, Оскар Линд. Его показали в маленькой кухне с синими шкафчиками, и он не закричал, как остальные. Он просто сидел перед камерой, широко открыв глаза, а потом очень серьёзно сказал по-английски: «Я знаю наизусть всех победителей. Всех двести шестьдесят. Я вас не подведу». И только после этого заплакал. Зал засмеялся, растроганно, а Аргент сказал «Оскар, я тебе верю», и Мия на диване всхлипнула.

— Ты что, плачешь? — сказал Лео.

— Нет. Он смешной. Заткнись.

Пятой, восьмой, одиннадцатой. Лео смотрел и считал. Каждое имя Аргент вынимал с одинаковой паузой, будто рука у него на часах: двадцать две секунды на барабан, сорок на видео, пятнадцать на приветствие. Около минуты двадцати на человека. Одиннадцатой была девушка из Шэньчжэня, Нин Чжоу. Она единственная не плакала и не кричала. Её показали в комнате, заставленной системными блоками и мониторами, и она посмотрела в камеру поверх очков с таким

выражением, будто ей позвонили не вовремя. Потом сказала по-английски, сухо: «Ну, это интересно» — и отключила камеру сама. Зал засмеялся. Аргент тоже засмеялся, но Лео заметил, как дрогнул у него угол рта.

— Она мне нравится, — сказала Мия.

— Мне тоже, — сказал Лео и удивился, что сказал это вслух.

Мать так и стояла в дверях. Она давно опоздала на смену. Телефон у неё в руке дважды завибрировал, и оба раза она сбросила, не глядя.

Двенадцатый. Тринадцатый. Четырнадцатый — парень из Ванкувера, высокий, с бородой, и его семья кричала так, что пришлось убавить звук.

Аргент запустил руку в барабан.

В «Блоке 9» стало тихо. Лео услышал это: стихло всё сразу. Замолчал телевизор фрау Оконкво внизу. Перестали спорить мальчишки во дворе. Херр Петерсен на втором этаже убавил радио. Пятнадцатый из двадцати, и вероятность была одна к двум миллионам, а здесь, в пятнадцатипятиэтажной бетонной коробке на краю Вильгельмсбурга, все всё равно задержали дыхание, как задерживают его на розыгрыше лотереи, в которой у тебя один билет.

Аргент вынул капсулу. Поднял к свету.

Двадцать две секунды.

Лео не дышал. Он вдруг понял, что знает. Он знал уже три дня, с той минуты, как прочитал в тёмном стекле пере-

городки «Ж.К. подтверждено», и все эти три дня делал вид, что не знает, потому что так было проще. Он знал, ещё когда считал секунды на каждом имени. Он знал, когда увидел, что Аргент вынимает капсулу, не глядя в барабан, и вдруг понял, что фокусник никогда не смотрит туда, где лежит нужная карта.

На экране над сценой загорелись буквы.

— Лео Фальк, — сказал Аргент. — Гамбург. Восемнадцать лет.

* * *

Сначала был звук.

Он шёл снизу вверх, как волна. Сначала завизжала фрау Оконкво на третьем этаже, тонко и пронзительно, как чайник. Потом заорали мальчишки во дворе, все трое разом. Херр Петерсен на втором этаже выкрутил радио на полную, и через стены, через бетон, через одиннадцать этажей Лео услышал голос Аргента из маленького приёмника, на секунду позже телевизора: «...Гамбург. Восемнадцать лет». А потом закричал весь дом. Из окон, с балконов, со двора. Кто-то колотил кастрюлей о перила. Кто-то запустил с пятого этажа петарду, она хлопнула во дворе и рассыпалась зелёными искрами. Внизу засигналила машина, потом вторая.

Мия визжала. Она спрыгнула с дивана, уронила ингалятор, бросилась к Лео и повисла у него на шее, и визжала пря-

мо ему в ухо, и он ничего не слышал, кроме этого визга.

Он смотрел через её плечо на экран.

На экране была их гостиная.

Сверху, немного сбоку. Он, сидящий на полу у стены. Мия у него на шее, в отцовской толстовке до колен. Мать в дверях, в синей форме, с ключами в руке. Трещина на их собственном телевизоре, заклеенная стикером с котом, видная на экране их собственного телевизора, как в зеркале внутри зеркала. Это снимала камера, о которой он не знал. Он поднял глаза и посмотрел туда, откуда она должна была снимать, в верхний угол над книжной полкой, и увидел там маленький датчик дыма, который в прошлом году поставила управляющая компания Meridian Living. По закону, сказали они. Для безопасности жильцов.

На экране Лео Фальк поднял глаза и посмотрел прямо в камеру. Прямо на два миллиарда человек.

— Лео, — сказал Аргент, и голос стал ещё теплее, совсем домашним. — Я вижу, ты удивлён. Это нормально. Мне говорили, что ты всё считаешь. Посчитай вот что: шесть месяцев, сто человек, двадцать мест. И одна вечность. Добро пожаловать.

Лео смотрел в датчик дыма и не мог отвести глаз. Голос Аргента согревал грудь, говорил, что всё хорошо, что всё правильно, что это счастье, и часть его, очень большая часть, хотела в это поверить. Он стиснул зубы так, что заболела челюсть. Трансляция переключилась на шестнадцатого, на де-

вушку из Глазго, и тепло в груди медленно отпустило.

Мать стояла в дверях. Ключи выпали у неё из руки и лежали на полу.

* * *

Сообщение пришло через четыре минуты. Лео открыл его, пока Мия, всё ещё всхлипывая от восторга, звонила подруге, а во дворе продолжали хлопать петарды.

Академия Продления, Карфакс. Четырнадцатый Сезон. Уважаемый Лео Фальк, поздравляем! Вы избраны стипендиатом Четырнадцатого Сезона. Условия стипендии: 1. Единовременная выплата: 50 000 € (поступит на ваш счёт в течение 24 часов после подтверждения участия). 2. В соответствии со статьёй 31 Хартии Крови (Защита семей стипендиатов) все взыскания и процедуры изъятия имущества в отношении вашей семьи приостанавливаются на время Сезона. 3. При условии прохождения Сезона до Ночи Равноденствия (20 марта 2027 года) все долговые обязательства вашей семьи будут погашены Конклавом в полном объёме. 4. В случае Продления ваша семья получит пожизненное содержание от Дома. Перелёт: 19 сентября, Гамбург — Будё. Встреча стипендиатов: 21 сентября, порт Будё, Чёрный паром. Пожалуйста, подтвердите участие до 16 сентября, 23:59. [ПОДТВЕРДИТЬ] [ОТКАЗАТЬСЯ] Вечность доступна каждому.

Почти сразу после этого пришло второе, от Nox Meridian Bank. Серая плашка, закрытый круг.

Уважаемая фрау Фальк. Уведомляем вас, что процедура изъятия жилого помещения по договору № 0049-НН-118-2009 приостановлена в связи с участием члена вашей семьи в Сезоне Академии Продления (Хартия, ст. 31). Поздравляем! Всё возвращается.

Лео прочитал оба сообщения два раза. Потом подошёл к матери, поднял с пола её ключи и протянул ей. Она не взяла.

— Мам, — сказал он. — Выселение остановили.

— Я видела, — сказала Ханна. Её телефон тоже показывал серую плашку. — Пять минут. Им понадобилось пять минут. Двадцать лет мы просили отсрочку хотя бы на месяц, а тут пять минут.

— Это же хорошо.

— Нет.

Мия оторвалась от телефона.

— Мама, ты чего? Его выбрали! Из сорока миллионов!

— Иди в свою комнату, Мия.

— Но...

— Иди. В свою. Комнату.

Мия посмотрела на мать, потом на Лео. Лео кивнул ей. Она ушла, но дверь закрыла не до конца, и Лео знал, что она стоит за дверью и слушает. Он бы на её месте тоже слушал.

Ханна прошла на кухню и села за стол, на то место, где три дня назад лежало письмо Nox Meridian. Лео сел напротив.

За окном снова грохнула петарда.

— Ты не поедешь, — сказала мать.

— Мам.

— Ты не поедешь, Лео. Я тебя прошу. Я никогда тебя ни о чём не просила, я подписала тебе эту бумагу в шестнадцать, будь я проклята, я позволяла тебе ездить по ночам по этому городу с чужой кровью в ящике, я молчала, когда ты возвращался белый как стена. Но туда ты не поедешь.

— Почему?

— Потому что оттуда не возвращаются нормальными. — Она смотрела на него, и глаза у неё были сухие, и это было страшнее слёз. — Ты видел хоть одного, кто вернулся? Хоть одного стипендиата, которого отчислили? Где они? Они дают интервью? Они пишут книги, ходят на ток-шоу? Восемьдесят человек каждый год не проходят, Лео. Восемьдесят. Тринадцать Сезонов. Тысяча человек. Где они все?

— Дома, наверное. У них подписка о неразглашении. Это во всех правилах.

— Ты в это веришь?

Лео не ответил. Он вспомнил строчку на заброшенном форуме: *nullpunkt, ты где? Ты пропал.*

— Твой отец сказал им «нет», — сказала мать тише.

— И умер в кране.

Он сказал это прежде, чем успел подумать, и увидел, как она дёрнулась, как от удара. Ему тут же стало так стыдно, что запылало лицо, но слова уже были сказаны и висели между

ними над клеёнкой, и забрать их было нельзя.

— Прости, — сказал он. — Мам, прости. Я не это...

— Ты это. — Она не плакала. Она смотрела на него. — Ты именно это хотел сказать. И ты прав. Он сказал «нет» и умер в сорок один год, и оставил нас с ипотекой, и я каждую ночь думаю, что было бы, если бы он сказал «да». Восемь тысяч в месяц. Вы бы выросли в другой квартире. У Мии был бы нормальный врач. Он бы, может, был жив, только принадлежал бы кому-то. — Она закрыла глаза. — Я не знаю, Лео. Я не знаю, что правильно. Я только знаю, что он не хотел, чтобы тебе пришлось выбирать.

Лео смотрел на свои руки. На сгибе левого локтя ещё желтел синяк от иглы Эберта.

— Мам, — сказал он. — Они бы не отпустили. Ты понимаешь? Эта лотерея... она не случайная. В пятницу у меня на оценке взяли четыре лишних пробирки. Человек в сером. Он написал кому-то, что что-то «подтверждено». Через три дня меня вытаскивают пятнадцатым из сорока миллионов, и камера уже стоит у нас в гостиной в датчике дыма. Они меня выбрали, мама. Если я откажусь, они не отстанут. Ты сама сказала: к отцу приходили ещё три раза. — Он поднял на неё глаза. — Только у отца не было тридцати дней до выселения. А у нас есть. Было. А теперь нет. Они это знали. Они всё посчитали.

— И поэтому ты хочешь сделать то, что они посчитали.

— Я хочу, чтобы вас не выкинули на улицу. Пятьдесят

тысяч, мам. Через сутки. Это ингалятор Мии до её двадцати лет. Это нормальный врач. А если я дотяну до марта, долга не будет вообще. Никакого. Отцовского, нашего, ничьего. Ты понимаешь? Ни одного письма с кругом.

— А если ты не вернёшься?

— Тогда вы получите пожизненное содержание.

Она посмотрела на него так, что он замолчал.

Долго было тихо. За стеной во дворе кто-то пел, нестройно и счастливо, «Гамбург, мой Гамбург». Мать протянула руку через стол и накрыла ладонью его руку. Ладонь была холодная, как всегда.

— Ты уже решил, — сказала она. — Я вижу. Ты решил ещё там, на полу, когда они показали нас по телевизору.

— Да.

— Почему?

Лео подумал. Он мог бы сказать про деньги. Это была правда. Он мог бы сказать, что у него нет выбора. Это тоже была почти правда. Но было и другое, то, что он не говорил даже себе, и мать смотрела на него так, будто это другое у него написано на лбу.

— Потому что я хочу знать, — сказал он. — Что им от меня нужно. Что такое «Ж.К.». Почему у меня прочерк. Куда делись тысяча человек. Почему отцу предлагали восемь тысяч, а потом он стал никому не нужен. — Он помолчал. — Если я останусь, я буду всю жизнь развозить их кровь в ящике и гадать. Если поеду, хотя бы узнаю.

— Оттуда платят, — тихо сказала мать. — Ты это хотел сказать с самого начала.

— Оттуда платят, — согласился Лео. — И там отвечают на вопросы. Может быть.

Она убрала руку и встала. Взяла с крючка у двери куртку, медленно, как старуха. Подняла с пола ключи.

— Я пойду на смену, — сказала она. — Я уже на час опоздала, меня всё равно не уволят, у нас некому работать. А ты подумай до шестнадцатого. Пожалуйста. Просто подумай.

— Хорошо.

Она ушла. Лео слышал, как она спускается по лестнице, медленно, держась за перила, и на каждом этаже её останавливали и поздравляли, и она каждому говорила «спасибо», ровным голосом медсестры.

Он нажал [*ПОДТВЕРДИТЬ*], когда стихли её шаги.

* * *

В два часа ночи в дверь постучали.

Мия спала. Двор наконец уgomонился. Лео сидел на кухне с ноутбуком и читал всё, что смог найти про Академию: правила Сезона, расписание испытаний, интервью победителей. Он нашёл видео Сельмы Ос из Тромсё, победительницы прошлого года, «Привет из Вечности», сорок миллионов просмотров. Он просмотрел его трижды и ничего не понял, кроме того, что она очень счастлива, и это почему-то было

неприятно.

Стук повторился, три коротких удара, уверенных, официальных.

Лео посмотрел в глазок. На лестничной площадке под мигающей лампой стоял высокий человек в тёмной куртке. На груди у него поблёскивал медный значок. Щит с волчьим черепом.

Лео открыл дверь, не снимая цепочку.

— Херр Фальк, — сказал капитан Маттиссен. — Поздравляю. Можно войти? Это займёт пять минут.

Вблизи он выглядел ещё более усталым, чем год назад в коридоре участка на Нойер-Штайнвег. Лет пятьдесят. Коротко стриженные седые волосы, светлые датские глаза, лицо в мелких красных прожилках от ветра. Пахло от него кофе и сигаретами. Смертный. Лео смотрел на него и вдруг вспомнил статью двенадцатую, право порога: Вечным, чтобы войти, нужно приглашение. Людям из Tal Security ничего не нужно. У них есть ордер.

— У вас есть ордер? — спросил Лео.

— Нет, — сказал Маттиссен. — Поэтому я спрашиваю.

Лео подумал и снял цепочку.

Маттиссен вошёл, огляделся в маленькой прихожей. Его взгляд скользнул по отцовской куртке на вешалке, по велосипеду, по «Холодку» на полу, по двери Мии. Задержался на датчике дыма в углу. Он ничего не сказал. Он прошёл на кухню и сел на мамин стул, тяжело, как человек, который

весь день был на ногах.

— Ты знаешь, зачем я пришёл, — сказал он.

— Дариус.

— Дариус Кайя, — кивнул Маттиссен. — Девятнадцать лет. Фельдель. Обратился девятого ноября прошлого года при задержании. С тех пор на свободе. Мы считаем, что он вошёл в Хафенскую стаю. — Он помолчал. — В Шпайхерштадте, на мосту через Вандрамсфлет, мы нашли следы. Пепел. Отпечаток лапы. Ночь со среды на четверг. Твой маршрут Pulse в ту ночь проходил через этот мост в час сорок две. Ты там стоял ровно семьдесят секунд. Велосипедный трекер.

Лео ничего не сказал. Он подумал, что у Pulse, оказывается, есть велосипедный трекер, и что он, Лео, считал себя человеком, который замечает всё.

— Ты его видел? — спросил Маттиссен.

— Нет.

— Слышал?

Лео помолчал.

— Кто-то шёл по крышам. Я не видел, кто.

Маттиссен кивнул, будто именно это и ожидал услышать.

— Он выйдет на связь, — сказал он. — Теперь, после эфира, обязательно. Вы были друзьями, а ты теперь едешь на Карфакс. Для стаи это подарок. Свой человек внутри. Они попросят тебя о чём-нибудь. Сначала о мелочи. Передать записку. Посмотреть, где стоит охрана. Это всегда начинается с мелочи. — Он достал из кармана визитку, простую, белую,

с номером телефона и медным щитом в углу, и положил на клеёнку. — Если выйдет на связь, позвони мне. Днём или ночью. Он теперь не твой друг, Лео. Мне жаль. Я видел, во что они превращаются, когда Вой берёт своё. Через год он сам тебя не узнает.

— А если я не позвоню?

Маттиссен посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом.

— Тогда на Карфаксе тебя спросят о нём другие люди. Они не будут сидеть на твоей кухне. Они просто возьмут каплю твоей крови и прочитают. Корвины так умеют. — Он встал. Стул скрипнул. Уже в дверях кухни он обернулся. — И ещё одно. Твой рейтинг.

Лео напрягся.

— Прочерк, — сказал Маттиссен. — Я двенадцать лет в этой работе. Сначала полиция, потом Тальмар. Я видел прочерк в рейтинге дважды. Один раз в шестнадцатом году, у портового рабочего с Буркардка. Второй раз в восемнадцатом, у девочки из Альтоны. Девочку через месяц вытащили в лотерею. — Он помолчал. — Портового рабочего я не помню, как звали. Девочку звали Лиза Бреннер. Она не вернулась. Её Lumen до сих пор пишет посты. Каждое воскресенье. Красивые.

Он вышел. Лео слышал, как хлопнула входная дверь, как простучали по лестнице тяжёлые ботинки, этаж за этажом, все одиннадцать.

Портовый рабочий с Буркардка. В шестнадцатом году.

Лео сидел над белой визиткой и не мог пошевелиться. На холодильнике под магнитом-маяком висела отцовская донорская карта. *У него вышло девятьсот двенадцать. Тогда ещё не прятали.* Только, может быть, девятьсот двенадцать вышло не сразу. Может быть, сначала у отца тоже несколько дней стоял прочерк, «результат обрабатывается», а девятьсот двенадцать появились потом, после калибровки, как цифра, которую можно показать людям. Мать могла этого не знать. Или знала и не сказала.

Ему стало холодно. Он встал, чтобы закрыть окно на балкон, которое мать всегда оставляла приоткрытым на ночь, потому что Мие было душно.

Балкон у них был крошечный, метр на два, затянутый сеткой от голубей. Сетка была порвана.

Не порвана, разрезана. Четыре длинных параллельных разреза сверху вниз, ровных, как от ножа, только ножей с четырьмя лезвиями не бывает. Края сетки слегка оплавились и почернели.

На перилах балкона, на одиннадцатом этаже, лежала тонкая серая полоса пепла.

Лео вышел на балкон босиком. Бетон был холодный. Внизу, в темноте двора, горел один фонарь, и под ним не было никакой машины. Порт за домами светился жёлтым и белым, краны стояли неподвижно, как скелеты. Пахло рекой и горелой шерстью.

На пепле на перилах кто-то написал пальцем, а может,

когтем. Два слова, неровными большими буквами, которые Лео узнал бы где угодно, потому что видел их на сотнях стикеров с битами, которые Дариус клеил по всему Фельделю:

НЕ ЛЕТИ.

Ветер с Эльбы подул сильнее, и пепел начал медленно осыпаться с перил вниз, в темноту, буква за буквой, пока не осталось ничего.

Глава 5. Пепел

В среду Лео вышел на смену, потому что не знал, что ещё делать.

Пятьдесят тысяч пришли во вторник, в одиннадцать утра, одной строкой в банковском приложении: *Зачисление: Академия Продления, Карфакс. 50 000,00 €*. Он смотрел на эту строку минут пять. Потом перевёл десять тысяч на счёт матери, четыре тысячи отложил на ингаляторы Мии до весны, а остальное не тронул. Ему казалось, что, если начать их тратить, всё станет окончательно настоящим.

Мать за весь вторник сказала ему двадцать слов. Лео их не считал, просто так вышло. Она не спорила и не плакала, ходила по квартире тихо, как по больнице, и один раз, проходя мимо, коротко положила руку ему на затылок, как делала, когда он был маленьким и болел. Мия, напротив, не замолкала. За день ей позвонили одиннадцать человек из класса, которые раньше с ней не разговаривали. Она завела аккаунт «сестра_стипендиата» на Lumen и к вечеру набрала шесть тысяч подписчиков, после чего мать отобрала у неё телефон до утра.

Датчик дыма в гостиной Лео заклеил изолянтной в три слоя. Через час в дверь позвонил вежливый человек из Meridian Living и сообщил, что по договору аренды заклеивать противопожарное оборудование запрещено, штраф

пятьсот евро. Лео отклеил изоленту. Человек поблагодарил и ушёл. Тогда Лео повернул датчик на кронштейне к стене. Это, кажется, никакой договор не запрещал.

В среду вечером он понял, что, если ещё одну ночь просидит дома, сойдёт с ума. Он написал диспетчеру Pulse, что выходит. Диспетчер ответила через секунду: *Лео!!! Ты же теперь звезда! Смена твоя. Береги себя, Капитан!* Значит, Мия успела и туда.

* * *

Ночь была тёплая и сырая, последняя летняя ночь перед осенью. Над Эльбой стоял туман. На Реепербане Лео узнали трижды: официант у «Анатолии» крикнул «Эй, Карфакс!», девочки у кинотеатра попросили сфотографироваться, какой-то пьяный долго жал ему руку и говорил, что «наконец-то из наших». Лео сфотографировался, пожал руку и уехал как можно быстрее. Он был сегодня никакой не «из наших». Он был человеком, у которого в датчике дыма живёт камера.

К Док он не заходил. Проехал мимо прачечной на Тальштрассе, увидел свет в окне подсобки и проехал дальше.

Адресов было пять. Он развёз их за два часа и всё время ловил себя на том, что смотрит на крыши. Шпайхерштадт он объехал по большой дуге, через Дайхторхаллен, хотя это было на два километра длиннее. В HafenCity его не послали:

диспетчер, видимо, тоже что-то знала. Или герр Брюк поговорил с кем надо.

В половине пятого утра он въехал в круглое здание с медным куполом на Ландунгсбрюккен и завёл велосипед в клеть лифта.

Лифтёр, старик Хорст, дремал в будке. Он открыл один глаз, увидел Лео, кивнул и нажал кнопку, не просыпаясь до конца. Клеть дёрнулась и пошла вниз, на двадцать четыре метра, с привычным лязгом. Лео стоял, держа велосипед за руль, и смотрел, как мимо ползёт кирпичная стена шахты.

Внизу было, как всегда, тихо. Белый кафель, жёлтые лампы, мокрый запах реки. Западная труба, четыреста двадцать шесть метров. Лео сел в седло и поехал.

На сто восьмидесятом метре погас свет.

Погас весь сразу, по всей трубе, одним щелчком, как будто кто-то повернул рубильник. Лео ударил по тормозам. Колёса проскользили по мокрой плитке, и он едва удержался в седле. Темнота была полная, плотная, такой он никогда не видел. В тоннеле не было окон, а над ним было двадцать метров земли и воды.

Он стоял, держась за руль, и слышал, как бьётся сердце. Громко. Слишком громко. *Я слышала его ещё из лифта.*

Где-то впереди, в темноте, капала вода. Кап. Пауза. Кап.

Он почувствовал запах. Палёная шерсть. Тот же, что на мосту в Шпайхерштадте и на балконе. Совсем близко.

— Это я, — сказал голос в темноте. — Не ори.

Лео не орал. Он вообще не мог сказать ни слова.

Впереди, метрах в десяти, зажглись два огня. Белые, круглые, ровные, как светодиоды. Они висели в воздухе на высоте его лица и не мигали. От них не шло света, они ничего не освещали вокруг, просто были, и от этого становилось хуже.

Потом огни мигнули, медленно, как веки.

— Свет я сам вырубил, — сказал голос. — Щиток на той стороне. Тут камеры. Ты в порядке?

Голос был Дариуса. Хриплый, ниже, чем Лео помнил, с какой-то трещиной, будто горло ему ободрали изнутри. Но это была его манера говорить, быстро и чуть в нос, глотая концы слов, как он говорил всегда, когда торопился.

— Дар, — сказал Лео.

— Ага.

— Я тебя не вижу.

— И слава богу, — сказал Дариус, и в темноте что-то коротко и сухо засмеялось. — Сейчас. Подожди. Дай минуту.

Белые огни опустились ниже, к полу, будто Дариус сел или присел на корточки. Лео услышал звук. Сначала треск, мягкий и влажный, будто ломают ветку, обёрнутую в мокрую тряпку. Сиплое дыхание, частое, сквозь зубы. Потом что-то зашуршало по кафелю, долго, как шуршит наждачная бумага. Огни дрожали. Запах палёной шерсти стал гуще, потом начал слабеть. Дыхание выровнялось.

Белое в темноте мигнуло ещё раз и стало меньше, тусклее. Зажёгся слабый свет: экран телефона, повёрнутый вниз,

на пол. В его голубом отсвете Лео увидел Дариуса.

Дариус сидел на полу тоннеля, прислонившись спиной к кафелю, в разодранной на плечах чёрной толстовке и дра-ных джинсах. Босиком. Он похудел килограммов на десять. Лицо стало острым, скулы торчали, щёки ввалились. Воло-сы, раньше чёрные, курчавые, которые он вечно стриг под машинку, отросли и стали серыми. Не седыми, а пепельны-ми, как будто их обсыпали золой. И глаза. Глаза были почти нормальные, карие, но в глубине зрачков ещё дотлевало что-то белое, как угли, на которые подули.

На вид ему было лет двадцать пять. Год назад ему было восемнадцать.

— Привет, Капитан Кровник, — сказал Дариус.

* * *

Они сидели на полу тоннеля, на мокром кафеле, плечом к плечу, как сидели сто раз на капотах машин и на ступень-ках подъездов, и Лео не знал, что сказать. Телефон Дариуса лежал между ними экраном вверх, светил в потолок. На его экране была трещина, и от трещины по своду бежала тонкая тёмная линия.

— Ты постарел, — сказал Лео наконец.

— Ты тоже не помолодел. — Дариус ткнул его локтем в бок. Локоть был твёрдый, как деревяшка. — Белый весь, как бумага. Сколько ты сдаёшь?

— Нормально.

— Врёшь. Док мне говорила.

— Ты видишься с Док?

— Я вижусь со всеми, Лео. Я теперь ночной. — Дариус посмотрел на свои руки. Ногти у него были длинные, загнутые, тёмные, как у собаки. Он сжал кулак, и ногти медленно, с еле слышным щелчком, втянулись обратно, стали почти нормальными. — Год учился это делать. Первые месяцы не мог вообще. Злился на что-нибудь, на ерунду, на автобус, и всё, конец. Выходил из себя и не мог вернуться. Мать меня видела один раз, в феврале. Я пришёл под окна. Она меня не узнала.

Лео вспомнил тётю Гюль в коридоре участка на Нойер-Штайнвег, её платок, её сумку, прижатую к груди.

— Она ходит в Tal Security каждую неделю, — сказал он.

— Знаю.

— Ты бы ей хоть...

— Хоть что? — Дариус повернул к нему голову, и в глубине его зрачков на секунду вспыхнуло белое, ярче. Лео почувствовал это как удар тепла в грудь, короткий, сильный, как будто открыли дверцу печи. Злость. Чужая злость, но в его груди. Потом Дариус выдохнул, отвернулся, и тепло схлынуло. — Прости. Это Вой. Когда я злюсь, это расходуется. Ты почувствовал?

— Да.

— Это хорошо. Значит, ты чувствуешь. Не все чувствуют.

— Он помолчал. — Я не могу ей ничего, Лео. Если я приду, через неделю к ней придёт Маттиссен с ордером на «пособничество». Ты знаешь, что они делают с семьями.

Лео не знал точно. Он слышал. Все слышали.

— Ты написал «не лети», — сказал он.

— Написал.

— Я подтвердил в понедельник. Ещё до того, как увидел.

— Знаю. — Дариус не удивился. — Я видел по Lumen. Пятнадцатым. — Он хмыкнул. — Пятнадцатым из сорока миллионов, брат. У тебя по математике всегда было лучше, чем у меня. Посчитай.

— Я посчитал.

— И?

— И я знаю, что это не случайно. — Лео смотрел на трещину на своде, на тёмную полосу от экрана. — У меня на оценке был прочерк. Человек в сером взял ещё четыре пробы и кому-то написал «Ж.К. подтверждено». Через три дня меня вытащили.

Дариус долго молчал.

— Живая кровь, — сказал он. — «Ж.К.» значит «живая кровь».

Лео повернулся к нему.

— Откуда ты знаешь?

— От Стаи. — Дариус говорил тихо, хотя в тоннеле на двести метров вокруг не было никого. — Слушай. Мы не знаем всего. Мы знаем куски. Мы два года собираем, кто

пропадает. Стипендиаты. Каждый год двадцать человек едут на Карфакс. Из них кого-то «отчисляют», кто-то побеждает. Отчисленные должны вернуться домой. Они не возвращаются, Лео. Не все. Те, у кого рейтинг был обычный, возвращаются, сидят дома под подпиской, молчат, но живые. А те, у кого был прочерк или под тысячу, пропадают. Совсем. И победители. Ни один победитель из стипендиатов за восемь лет никому не позвонил. Ни матери, ни другу. Только посты.

— Посты, — повторил Лео.

— Посты. Красивые. Каждое воскресенье. — Дариус сплюнул на кафель. — Девочка из Альтоны, Лиза Бреннер. Её мать ходит на наши собрания. Лиза в *Lumen* уже восемь лет пишет, как ей там хорошо, а мать за восемь лет не услышала от неё ни слова. Ни звонка. Ни письма от руки.

У Лео по спине прошёл холод. *Её Lumen до сих пор пишет посты. Каждое воскресенье. Красивые.*

— Маттиссен мне про неё говорил, — сказал он.

— Маттиссен? — Дариус резко повернулся, и белое в его глазах вспыхнуло снова, сильнее. Опять удар тепла в грудь, такой, что у Лео перехватило дыхание. — Он к тебе приходил?

— В понедельник ночью. Просил позвонить, если ты появишься.

— И ты позвонишь?

— Нет.

Дариус смотрел на него долго, и белое в глазах медленно

гасло.

— Тогда зачем ты сюда поехал, — сказал он тихо. — Ты же знал, что я в тоннеле. Ты всегда едешь тоннелем. Я тебя три ночи ждал.

— Я не знал, что ты здесь.

— Знал. — Дариус ткнул его пальцем в грудь, ровно туда, где только что было тепло. — Вот здесь знал. Это тоже Вой, брат. Ты его ещё не понимаешь, но он тебя уже держит.

* * *

Он рассказал Лео не так уж много. Стая не знала, зачем Домам люди с живой кровью. Были версии. Кто-то говорил про опыты, кто-то про какую-то новую версию Эликсира, кто-то про «персональных доноров» для Старейших. Мать — так Дариус называл лидера «Пепла», с большой буквы, и Лео не стал переспрашивать — считала, что внизу, под Бастионом, что-то есть. Что-то, куда уводят людей. Но никто из Стаи никогда не был внутри.

— Тебе предложат стать нашими глазами, — сказал Дариус. — Не я предложу. Мать. Я просто тебе говорю заранее, чтобы ты не удивился.

— Чьими глазами?

— Нашими. Ты будешь там. Внутри. В Бастионе. Ты видишь то, что никто не видит, ты всегда видишь. Ты заметишь, где охрана, где двери, куда ходят люди в сером. На

Карфаксе в Гавани есть наш человек. Старик, рыбак, его зовут Арне. Он передаст тебе телефон. Чистый.

— А что потом? С тем, что я увижу.

Дариус не ответил сразу.

— Потом Мать решит, — сказал он.

— Что решит?

— Лео.

— Нет, ты скажи. Что она решит? Ты сам знаешь?

Дариус молчал. Потом взял телефон с пола, повертел в пальцах, и тонкая линия света побежала по своду туда-сюда.

— Они нас убивают, — сказал он ровно, без злости, так ровно, что это было хуже злости. — Нас. Таких, как я. Не «ловят», не «изолируют», как пишут в новостях. Убивают. Карантинные центры — это печи, брат. Я видел, как забирали Мехмета из нашей стаи. Через неделю его мать получила урну и справку «неконтролируемая агрессия при транспортировке». Им восемнадцать, двадцать, они сдавали кровь, пока у них не отказало тело, и тело их спасло единственным способом, каким умело, а потом за это их сожгли. Ты хочешь, чтобы я сказал, что Мать решит что-то мягкое? Я не скажу. Я не знаю, что она решит. Я знаю, что она права.

Лео смотрел на его руки, на тёмные загнутые ногти, которые опять начали медленно выдвигаться, пока Дариус говорил.

— Дар, — сказал он. — Ногти.

Дариус посмотрел на свои руки, выругался по-турецки и

сжал кулаки. Ногти втянулись. Это далось ему тяжело: на лбу выступил пот, и он закрыл глаза.

— Я не буду ничего обещать, — сказал Лео. — Ни тебе, ни ей.

— Знаю. Ты никогда ничего не обещаешь. — Дариус открыл глаза. Они снова были почти карими. — Просто посмотри, что там. Ради Лизы Бреннер. Ради себя. Ты же для этого едешь, да? Не только из-за денег. Ты хочешь знать.

— Да.

— Ну вот. — Дариус криво улыбнулся. — Тогда мы хотим одного и того же. Пока.

Он хотел сказать что-то ещё, но вдруг замер. Повернул голову к восточному концу тоннеля, к Штайнвердеру. Ноздри у него дрогнули.

— Медь, — сказал он. — Чуешь?

Лео ничего не чуял, кроме реки, плитки и палёной шерсти.

— Они здесь, — сказал Дариус. Голос стал совсем другим, плоским, быстрым. — Твой велик. На нём трекер. Маттиссен вёл тебя.

— Я не знал...

— Знаю, что не знал. — Дариус уже стоял. Лео даже не заметил, как он поднялся. — Лежи. На пол. Лицом вниз, руки на голову. Ты стипендиат, они тебя не тронут, тебя нельзя трогать до Сезона, это Хартия. Говори, что я тебя схватил. Говори, что ты меня боялся. Понял?

— Дар...

— Понял?!

Удар тепла в грудь был такой, что Лео задохнулся.

С восточного конца тоннеля ударил свет. Мощный, бейший, как от прожектора, сразу из нескольких точек. По кафелю побежали тени. Раздался голос, усиленный мегафоном, гулкий, отражающийся от стен:

— Tal Security! Кайя, Дариус! Ты окружён с обеих сторон! Ляг на пол! Это единственное предупреждение!

С запада, со стороны Ландунгсбрюккен, тоже вспыхнул свет. Там лязгнула клетка лифта. Они действительно были с обеих сторон.

Лео лёг на мокрый кафель, лицом вниз, руки на затылок. Дальше он видел всё сбоку, с уровня пола, сквозь спицы собственного велосипеда.

Дариус стоял посреди трубы в перекрёстном свете двух прожекторов и не ложился. Он медленно повернул голову к востоку, потом к западу. Он весь дрожал, мелко и часто, как дрожит собака на морозе.

— Не надо, Дар, — сказал Лео в кафель. — Ляг. Пожалуйста. Ляг.

Дариус посмотрел на него. Сверху вниз, через плечо. Глаза у него уже были белые, целиком, без зрачков, как два фонаря, повернутые внутрь.

— Я не могу, — сказал он, и это было последнее, что он сказал человеческим голосом.

Превращение заняло четыре секунды. Лео потом много раз прокручивал их в памяти и каждый раз считал: четыре.

На первой секунде с волос Дариуса посыпались искры. Серые, как пепел от костра, когда в него ткнёшь палкой. Они не гасли, а медленно падали и кружились в свете прожекторов, и толстовка у него на плечах лопнула по швам с сухим треском.

На второй спина пошла дугой, вверх, позвонки проступили через кожу и через ткань, как костяшки пальцев в кулаке. Руки упали на кафедру. Пальцы вытянулись, ногти выдвинулись на всю длину, загнутые, чёрные, с тихим щелчком, который Лео слышал даже сквозь крик в мегафон.

На третьей лицо. Лео не хотел смотреть и смотрел. Челюсть Дариуса потянулась вперёд, как будто кто-то тянул её за подбородок. Звук был такой, будто ломали ветки, обёрнутые мокрой тряпкой. Кожа на лице потемнела и покрылась шерстью, короткой и серой, цвета пепла, и шерсть эта будто тлела: от неё шёл еле видный дымок, и запах палёного ударил так, что заслезились глаза.

На четвёртой он встал.

Он был не похож на волка. Лео потом не раз пытался объяснить это себе и не мог. На картинках в новостях, на плакатах Tal Security бешеных рисовали волками, огромными и косматыми, с красными глазами. Существо в тоннеле было худым, слишком худым, вытянутым, с проступающими рёбрами и позвоночником. Оно стояло на четырёх длинных ла-

пах, и в холке было с человека. Шерсть у него была короткая, пепельная, местами вылезшая клочьями, и сквозь неё просвечивала тёмная кожа. Голова узкая, длинная, с ушами, прижатыми к черепу. И глаза. Белые, без зрачков, светящиеся, ровные. Они ничего не освещали.

Оно не рычало. Оно открыло пасть, и из пасти вышел звук, низкий, долгий, на одной ноте, и звук этот был не в ушах, а в груди. Лео почувствовал его рёбрами, сердцем, всем телом. Это была ярость, такая, что у него самого сжались кулаки и свело челюсть. Чистая, горячая, бесконечная ярость, и в ней было всё: Мехмет и его урна, тётя Гюль в коридоре, письмо с закрытым кругом, отцовская карта, сорок миллилитров в пробирках Эберта, фрау ван Ален, которая вытягивает воздух, как в кондитерской. Ярость была такая, что Лео на секунду захотелось встать и тоже побежать, куда угодно, на свет, и рвать.

Она ушла. Существо развернулось и прыгнуло на восток, прямо в прожектора.

Выстрелы были глухие, с хлопками, как будто лопались бумажные пакеты. Транквилизаторы. Лео видел, как два дробтика с медными хвостами впились в пепельную шерсть, на плече и на боку, и как существо даже не замедлилось. Оно врезалось в людей, в свет. Прожектор упал и покатился, луч заметался по своду. Кто-то закричал. Кто-то стрелял ещё. Звук был в груди, ярость была в груди, Лео лежал на кафеле и бил кулаком по плитке, сам не зная зачем.

Он не видел, что было дальше. Только слышал. Потом, через какое-то время, раздался громкий металлический лязг где-то в стене, будто сорвали решётку, и сразу запахло водой, сильнее, чем рекой. Технический колодец. В тоннеле были вентиляционные шахты к реке, Лео знал это ещё с детства, их показывал отец.

Ярость в груди оборвалась, как будто перерезали провод.

* * *

Его подняли через пять минут. Двое в медной форме, грубо, но не больно, поставили на ноги и обыскали. Он смотрел на свою правую руку и не понимал, почему она мокрая и тёмная. Потом понял: он разбил кулак о край отколотой плитки, когда бил по полу. Ладонь была рассечена от основания большого пальца до запястья, и кровь текла по пальцам и капала на кафель.

Маттиссен подошёл, когда Лео уже сидел у стены под фонарём, и санитар Tal Security перевязывал ему руку. Капитан был в бронежилете поверх той же тёмной куртки. Под глазом у него наливалась ссадина. Он присел перед Лео на корточки.

— Двое моих в госпиталь, — сказал он. — Один, может быть, не выйдет. Ушёл в шахту, в реку. Мы его не нашли.

Лео ничего не сказал.

— Ты стипендиат, — сказал Маттиссен. — До Сезона я не

могу тебя задержать. Хартия, статья тридцать один, ты под защитой Конклава. Иначе ты бы уже сидел. — Он помолчал. — Что он тебе сказал?

— Что он меня схватил, — сказал Лео. — Чтобы я говорил, что он меня схватил.

Маттиссен смотрел на него долгую секунду. Коротко, невесело хмыкнул.

— Хороший друг, — сказал он. — Даже сейчас.

Он встал. Колени у него хрустнули.

— Три дня, Лео. В субботу ты улетаешь. Если за эти три дня он к тебе ещё раз подойдёт, я узнаю. И ты больше не стипендиат, а соучастник. Хартия защищает тебя от меня, но не защищает от тебя самого.

Он ушёл к своим людям. Санитар закончил с рукой и тоже ушёл. Лео сидел у стены под фонарём, смотрел на мокрые бинты и думал, что так и не спросил у Дариуса, как тот его нашёл на мосту в Шпайхерштадте. И почему на перилах был пепел, а потом в «Меридиане» фрау ван Ален сказала «вы очень громкий». И как всё это было связано.

Потом он вспомнил последнее, что случилось перед светом. То, что он сначала не заметил, а теперь видел ясно, как на перемотанной записи.

Когда он разбил руку о плитку, ещё до превращения, Дариус, уже весь дрожащий, с белыми глазами, вдруг нагнулся к нему. Быстро, как собака к упавшему куску. Схватил его запястье. Поднёс к лицу. Лизнул кровь с ладони, один раз.

И отшатнулся, так резко, будто обжёгся. Белые глаза расширились. Он смотрел на Лео сверху, с ужасом, которого Лео никогда у него не видел, даже в ту ночь на Фельделе.

— Ты пахнешь, — прохрипел Дариус, уже почти не своим горлом. — Ты пахнешь, как солнце. Брат. Ты пахнешь так, как они хотят.

Ударил свет, и Дариуса не стало.

Лео поднял забинтованную руку и посмотрел на неё. Бинт уже не промокал. Под ним ныло, но ныло как-то странно, слабо, как ноет порез двухдневной давности. Он отогнул край бинта.

Порез, который санитар десять минут назад зашивал двумя швами, уже затянулся розовой полосой. Швы торчали из почти зажившей кожи, как нитки из старой одежды.

Лео смотрел на них, пока к нему не подошли сказать, что можно идти.

Глава 6. Чёрный паром

Швы Лео вытащил сам, в четверг утром, маникюрными ножницами Мии, сидя на краю ванны. Под ними была розовая полоска новой кожи, тонкая, как нитка. К вечеру пропала и она.

Он никому не сказал. Ни матери, ни Мие. Он стоял перед зеркалом в ванной, поворачивал ладонь под лампой и думал о словах Дариуса. *Ты пахнешь, как солнце.* Потом думал о прочерке. О Маркусе Эберте, который улыбался одними губами. Потом перестал думать, потому что это никуда не вело, и пошёл собирать вещи.

Вещей оказалось мало. Академия присылала форму и всё необходимое, об этом было написано в письме. С собой разрешалось взять «личные предметы в объёме одного места багажа до двадцати килограммов». Лео сложил свитера, джинсы, кеды, зарядку, ноутбук с треснувшим углом, отцовские часы, которые не ходили с февраля двадцать третьего года. Всё поместилось в старый спортивный рюкзак, и места осталось ещё на половину.

В пятницу вечером позвонила диспетчер Pulse, Катрин, та самая, что писала «Береги себя, Капитан».

— Слушай, — сказала она, — «Холодок» твой. Мы его списали. Официально он сломан. Забирай.

— Зачем он мне на Карфаксе?

— Не знаю. На память. Мия сказала, ты без него не уедешь.

Мия, как выяснилось, звонила в Pulse лично. Говорила с Катрин двадцать минут и объяснила, что «Холодок» член семьи. В итоге Лео поехал на Карфакс с жёлтым сорокалитровым термокофром Pulse вместо чемодана. Внутрь, в ячейки для контейнеров, отлично помещались кеды и свитера.

* * *

В субботу утром Мия подкараулила его в прихожей. Она стояла с руками за спиной и с таким лицом, какое бывает у неё перед тем, как она скажет что-нибудь важное и сделает вид, что это ерунда.

— Закрой глаза.

— Мия.

— Закрой.

Он закрыл. Услышал, как она возится у «Холодка», как шуршит бумага, как она старательно прихлопывает что-то ладонью, раз, другой, третий.

— Открывай.

На жёлтой крышке, прямо посередине, над логотипом Pulse, был наклеен стикер. Большой, круглый, нарисованный от руки и заламинированный скотчем в несколько слоёв: парень в плаще на велосипеде, с жёлтым ящиком на багажнике, и надпись по кругу: *КАПИТАН КРОВНИК. ВЫПУСК 2:*

КАРФАКС.

— Ты в нём летишь, — сказала Мия. — Это обложка. Комикс я нарисую, пока тебя нет. Ты мне будешь рассказывать, что там, и я буду рисовать. Каждую неделю. Договорились?

— Договорились.

— Это не всё.

Она вытащила руку из-за спины. В руке у неё была отцовская донорская карта. Та самая, с холодильника, с тремястами двенадцатью пробитыми клетками. Пожелтевший картон с загнутым уголком.

— Мама разрешила, — сказала Мия быстро, пока он не начал возражать. — Я спросила. Она сказала: пусть возьмёт. Он всё равно всё считает. Пусть считает папины.

Лео взял карту. Картон был тёплый от её пальцев.

— Мия...

— Только не плачь, пожалуйста, — сказала Мия, и голос у неё сорвался на «пожалуйста». — Потому что если ты заплачешь, то я тоже, а у меня потом астма.

Он не заплакал. Он сел на корточки и обнял её, и она уткнулась ему в плечо, в куртку, и долго так стояла, и он чувствовал, как она дышит, мелко, со свистом. Она отстранилась, утёрла нос рукавом отцовской толстовки и сказала деловым тоном:

— Возьми ингалятор. На всякий случай. Вдруг там тоже бывает.

— У меня нет астмы.

— Вдруг будет. Там холодно.

Он взял ингалятор. Положил в «Холодок», в боковую ячейку, рядом с отцовскими часами.

Мать проводила его до аэропорта. Мия осталась у фрау Оконкво: ей не разрешили ехать, потому что в Фульсбюттеле в этот день ждали журналистов. Журналистов действительно было человек двадцать, они стояли у входа в терминал с камерами Lumen и выкрикивали его имя, и мать прошла мимо них, держа Лео под руку и глядя прямо перед собой, как ходят медсёстры по коридору реанимации. У стойки регистрации она остановилась.

— Дальше мне нельзя, — сказала она.

— Я знаю.

Она смотрела на него снизу вверх. Она была ниже его на голову, и он вдруг впервые заметил, какая она маленькая.

— Звони, — сказала она. — Каждое воскресенье. Даже если нечего сказать. Скажи, что погода плохая.

— Хорошо.

— И не сдавай кровь. Ни капли. Там тебе за неё ничего не заплатят такого, что стоило бы...

— Мам.

— Обещай.

— Я не могу ничего обещать. Я не знаю, что там.

Она закрыла глаза. Потом открыла.

— Тогда обещай, что вернёшься.

Он хотел сказать, что и этого обещать не может. Но она

смотрела на него, и он увидел в её лице то, что видел в тоннеле в лице Дариуса, когда тот говорил «ляг на пол»: человек просит, зная, что просьба бесполезная, и просит всё равно, потому что больше ничего не может.

— Я вернусь, — сказал Лео.

Она кивнула, будто подписала документ. Поцеловала его в щёку, быстро, сухо, развернулась и пошла к выходу, мимо камер, не оборачиваясь. Он смотрел ей в спину, пока она не исчезла за стеклянными дверями.

На паспортном контроле пограничник долго смотрел в его паспорт, потом на экран, потом снова в паспорт.

— Карфакс, — сказал пограничник. — Стипендиат?

— Да.

— У меня сестра в лотерею три года подаёт. — Пограничник поставил штамп. — Удачи, парень. Ты там... В общем, удачи.

Лео так и не понял, что тот хотел сказать.

* * *

В Будё он прилетел через Осло, к вечеру. Аэропорт был маленький, ветреный, у самой воды, и с трапа Лео увидел горы: тёмные, острые, с белыми прожилками снега на вершинах, хотя на дворе стоял сентябрь. Воздух пах солью и керосином. Было холодно, по-настоящему холодно, не по-гамбургски сыро, а сухо и ясно. Он застегнул куртку до подбо-

родка.

У выхода его ждал человек с табличкой. Табличка была чёрная, на ней серебром стояло: *АКАДЕМИЯ ПРОДЛЕНИЯ. СТИПЕНДИАТЫ*. Человек был смертный, молодой, вежливый, в чёрном пальто с пятью маленькими значками на лацкане: закрытый круг, ворон, капля, раковина, щит.

— Херр Фальк. Добро пожаловать в Норвегию. Две ночи в отеле, в понедельник в полночь паром. Остальные уже здесь, почти все. — Он посмотрел на «Холодок». — Это ваш багаж?

— Да.

— Понятно, — сказал человек и ничего больше не сказал. Это Лео в нём понравилось.

Отель «Нурлюс» стоял на набережной, восемь этажей стекла и светлого дерева. Академия выкупила его целиком на три дня. В лобби висел экран Lumen с трансляцией: кадры с прибытия стипендиатов, которые Lumen крутил по кругу. Лео увидел себя у входа в Фульсбюттель, с матерью под руку. Внизу бежала строка: *Лео Фальк, Гамбург, 18. Донор с шестнадцати лет. Курьер Pulse. Его отец сдал кровь 312 раз*. Он остановился и прочитал строку дважды. Откуда они знали про триста двенадцать? Вспомнил датчик дыма, кухню, холодильник с картой, и ему стало нехорошо.

— Ты Фальк? — спросил голос сзади. — Гамбургский курьер?

Он обернулся. Перед ним стоял светловолосый мальчик

с круглым лицом, в свитере с оленями, с широкой улыбкой, которую Лео уже видел в трансляции. Оскар Линд из Мальмё.

— Я знаю, это странно, — сказал Оскар по-английски, быстро, глотая слова от волнения. — Я просто знаю всех. Всех стипендиатов всех Сезонов. Я веду таблицу с двенадцати лет. Тысяча триста кандидатов, двести шестьдесят стипендиатов, двести шестьдесят победителей, я знаю всех по именам. Ты пятнадцатый в этом году. Твой отец сдал триста двенадцать раз, это показывали. Это рекорд, ты знаешь? Среди семей стипендиатов. Предыдущий рекорд у отца Сельмы Ос, двести сорок.

— Сельмы, — повторил Лео.

— Сельмы Ос! Тромсё. Тринадцатый Сезон. Четвёртое место в финальном рейтинге, Продлена в Дом Корвин. — Глаза у Оскара загорелись. — Ты видел её видео? «Привет из Вечности»? Я его смотрел, наверное, сто раз. Она такая... Она настоящая. Понимаешь? Она чистила рыбу, а теперь живёт вечно. Это лучшая история Академии вообще. Ну, после Лизы Бреннер, может быть. Лиза тоже была донором, из Альтоны, это же у вас, в Гамбурге?

Лео посмотрел на Оскара. На его открытое, счастливое лицо. На свитер с оленями, который, наверное, связала бабушка.

— Да, — сказал он. — У нас.

— Её посты лучшие. Каждое воскресенье. Я ни одного не

пропустил.

— Я тоже, — сказал Лео, хотя не видел ни одного.

За спиной у Оскара кто-то громко и сухо фыркнул.

— Он тебя заговорит до смерти, — сказала девушка, сидевшая в кресле у окна. Она сидела, подобрав ноги, с ноутбуком на коленях, в огромной чёрной толстовке с капюшоном, и смотрела на них поверх очков в тонкой оправе. Чёрные волосы до плеч, острое лицо, тени под глазами. — Он и меня заговорил. Два часа. Я теперь знаю, какой любимый цвет у каждого победителя девятого Сезона.

— Это важно! — сказал Оскар.

— Это не важно, — сказала девушка. — Нин. Шэньчжэнь. Ты пятнадцатый, я одиннадцатая. Добро пожаловать в цирк.

— Лео.

— Я знаю. Нас всех знают. — Нин повернула ноутбук экраном к нему. На экране была трансляция Lumen, их лобби, с камеры в углу под потолком: Лео и Оскар крупным планом, Нин сбоку в кресле. Картинка опаздывала на две секунды. Лео посмотрел вверх, в угол. Под потолком висел маленький белый шар. — Камеры тут везде. В номерах тоже. Я уже нашла три. Одну в датчике дыма.

— У меня дома тоже, — сказал Лео.

Нин посмотрела на него внимательно, будто впервые увидела.

— Да, — сказала она. — Я видела. Когда тебя тянули. Ты посмотрел прямо в неё. Единственный из двадцати. Осталь-

ные смотрели в телевизор.

Она закрыла ноутбук, легко, одной рукой.

— Пошли есть. Тут шведский стол, а я из принципа ем за всех, кто не доедет.

* * *

Два дня в Будё прошли так, будто их показывали в ускоренной перемотке. Ужины в длинном зале с видом на фьорд, где стипендиаты сидели за одним столом, а журналисты Lumen снимали их через стекло. Медосмотр в субботу: смертная медсестра с пятью значками на халате взяла у каждого анализы. У Лео три пробирки, у Оскара одну. Лео это заметил. Нин тоже заметила, он видел по её лицу. Интервью для Lumen, одно на каждого, по пятнадцать минут. Лео отвечал коротко, и девушка-интервьюер в конце сказала: «Ты не очень разговорчивый. Зрителям это нравится, загадочность». Он хотел сказать, что это не загадочность, а привычка не давать бесплатно того, за что можно получить деньги, но не сказал.

Двадцать человек. Прия из Мумбаи, тонкая и тихая, держалась рядом с Лео, потому что, как она сказала, «ты тоже не улыбаешься всё время». Матео из Сан-Паулу, огромный, весёлый, бывший грузчик, который пообещал всех научить играть в футбол «на снегу, если там бывает снег». Девушка из Лагоса, Адаэзе, которая плакала каждый вечер по телефо-

ну с матерью и каждое утро была самой собранной из всех. Парень из Ванкувера, Коннор, с бородой, единственный, кто старше двадцати. Девушка из Глазго, рыжая, очень шумная. Остальных Лео запомнил хуже, но запомнил. Это было похоже на первую смену на новом маршруте: сначала все адреса одинаковые, потом начинаешь различать подъезды.

О лотерее никто не говорил вслух. Только Нин, в воскресенье вечером, когда они вдвоём курили на балконе седьмого этажа, хотя Лео не курил, а у Нин сигареты были ментоловые и пахли зубной пастой.

— Я хотела посмотреть пул, — сказала она, глядя на фьорд. Над водой стоял тонкий месяц, и горы на том берегу были чёрными вырезками на тёмно-синем. — Перед лотереей. Ну, ты понимаешь. Из профессионального интереса.

— Посмотрела?

— Нет. — Она затаилась и выпустила дым в сторону моря. — Первый раз в жизни. «Мнемозина» меня не пустила. Вообще не пустила, я даже до ворот не дошла. Я в пятнадцать лет её щупала, и там были дыры, большие, как этот фьорд. А тут... как будто кто-то знал, что я приду. И ждал. — Она посмотрела на него. — Ты ведь тоже знаешь, что это не случайно? Ты считаешь. Я видела, как ты считал секунды на каждом имени. Ты шевелил губами.

Лео подумал о том, сколько ей можно сказать. Человек, который в пятнадцать лет взломал «Мнемозину». Человек, которого внесли в чёрный список, а потом вытащили в ло-

терею.

— У меня прочерк в рейтинге, — сказал он. — До сих пор. Сказали, калибровка.

Нин медленно повернулась к нему.

— Прочерк, — сказала она.

— Да.

— Покажи.

Он показал ей приложение. *Кровный рейтинг: —. Статус: результат обрабатывается.* Она смотрела на экран долго, приблизив его к самым очкам. Потом вернула ему телефон и молча докурила сигарету. Затушила о перила. Только после этого сказала:

— А у меня шестьсот девяносто четыре. Обычный. Меня взяли, чтобы я была на виду. Меня это даже успокаивает. Я понимаю, зачем я им. — Она посмотрела на его правую руку, на ладонь, которую он держал на перилах. — А зачем им ты, Гамбург, я не понимаю. И меня это совсем не успокаивает.

Она смотрела на его ладонь. Там, где пять дней назад был порез до запястья, не было ничего. Она этого знать не могла. Но она смотрела так, будто знала.

— Что? — сказал он.

— Ничего, — сказала Нин. — У тебя хорошие руки. Для курьера. Ни одной мозоли. Пошли, холодно.

Чёрный паром отходил в полночь с понедельника на вторник.

Он стоял у дальнего причала, в стороне от рыбацких лодок и туристических катеров, длинный, низкий и совершенно чёрный: чёрный корпус, чёрные надстройки, тонированные окна. На борту не было ни названия, ни номера. Только на трубе пять маленьких серебряных значков в ряд. Лео подумал, что паром похож на похоронную ладью, и тут же разозлился на себя за эту мысль, потому что она была слишком очевидной. Увидел, что Оскар, который стоял рядом, с восторгом снимает паром на телефон, и разозлился ещё больше, сам не зная на кого.

Внутри было тепло и тихо. Мягкие кресла, тёмное дерево, длинные окна. Стюарды с пятью значками разносили горячий шоколад. Шоколад был очень хороший, Лео выпил две чашки и ни разу в жизни такого не пил.

Паром отошёл без гудка. Огни Будё медленно уехали назад и стали маленькими.

Через час Оскар уснул в кресле, обняв рюкзак. Прия читала. Матео играл в карты с Коннором и девушкой из Глазго и проигрывал. Нин сидела в углу с ноутбуком, который не ловил сеть, и что-то быстро печатала, без интернета. Лео не мог сидеть. Он вышел на палубу.

Ветер ударил в лицо холодом и солью. Палуба была мокрая, под ногами гудели двигатели. Вокруг была только темнота, и вода, чёрная, тяжёлая, с белыми гребнями, которые вспыхивали в свете кормовых огней и пропадали. Небо было чистое, в звёздах, каких он никогда не видел в Гамбурге, где ночью светит весь город.

Потом небо начало светиться.

Сначала Лео подумал, что это облако, подсвеченное снизу. Облако стало зелёным, бледным, как фосфор на часах, и поползло по небу, вытягиваясь в ленту. Лента колыхнулась, как занавеска на сквозняке, и по её нижнему краю пробежала розовая кромка. Потом рядом зажглась вторая, ярче, и третья, и через минуту над всем морем, от горизонта до горизонта, шевелилось светящееся полотно, медленное, бесшумное и такое огромное, что Лео пришлось ухватиться за поручень, потому что от него закружилась голова.

Он видел это в трансляциях. В рекламе Сезона на Реепербане, на экране над кинотеатром, под надписью *Вечность доступна каждому*. Он думал, что это компьютерная графика. Он стоял на мокрой палубе, задрал голову, и забыл всё: Эберта, прочерк, «Меридиан», тоннель, пепел на перилах. Он просто смотрел. Это было первое за много лет, что ему не хотелось посчитать.

— Красиво, правда? — сказал Оскар рядом. Лео не слышал, как тот вышел. Оскар стоял в куртке поверх свитера с оленями, с покрасневшим от ветра носом, и смотрел вверх

с таким лицом, как будто молился. — Сельма в своём видео стояла под таким же. Я теперь понимаю, почему она так улыбалась. Тут невозможно не улыбаться.

— Да, — сказал Лео.

— Ты знаешь, что я хочу больше всего? — Оскар не ждал ответа. — Не вечности даже. Ну, вечности тоже. Но больше всего я хочу её увидеть. Сельму. Сказать ей, что я смотрел её сто раз. Что из-за неё я подал в лотерею. Как ты думаешь, Продлённым разрешают встречаться с кандидатами?

Лео смотрел на него. На его открытое, счастливое, обветренное лицо под зелёным небом.

Ни один победитель из стипендиатов за восемь лет никому не позвонил. Только посты.

— Не знаю, — сказал он. — Может быть.

— Я спрошу, — сказал Оскар решительно. — Обязательно. В первую же неделю.

* * *

Карфакс показался в половине пятого утра.

Сначала это были огни. Россыпь огней низко над водой, впереди, как будто кто-то бросил на горизонт горсть углей. Огни поднялись, вытянулись, и стало видно, что это башни. Чёрные, стеклянные, тонкие, они стояли на тёмной массе острова, а от одной к другой высоко над землёй тянулись светящиеся нити. Галереи, понял Лео. Крытые стеклянные

мосты, о которых писали в путеводителях Сезона. Они светились тёплым янтарём, как окна «Меридиана», только их было много, десятки, и весь остров был затянут этой янтарной паутиной.

Выше всего, на скале над чёрной водой фьорда, стояла крепость. Приземистая, тяжёлая, из тёмного камня, с пятью угловыми бастионами в форме звезды и с пятью башнями. На каждой башне горел огонь своего цвета: чёрный, будто светящийся изнутри обсидиан, серебряный, алый, белое золото, медь. Бастион. Академия Продления.

Северное сияние стояло прямо над ним, зелёной короной.

На палубу вышли все. Прия держала Лео за рукав и, кажется, не замечала этого. Матео сказал что-то по-португальски, тихо, и перекрестился. Нин стояла с ноутбуком под мышкой и смотрела на остров без всякого выражения, только губы у неё были сжаты в нитку.

Паром вошёл в гавань медленно, бесшумно. Слева тянулась старая деревня: низкие деревянные дома, красные, жёлтые, белые, лодки у причалов, сушилки для рыбы. Там горели обычные тёплые окна и пахло дымом. Это, наверное, была Гавань, о которой говорил Дариус. *Старик, рыбак, его зовут Арне.* Справа, у глубоководного причала, стояли катера. Белые, длинные, хищные, с затемнёнными стёклами. Частные.

— Наследники, — сказала Нин. — Их возят отдельно. Чтобы не нюхали нас.

Паром причалил. Сходни опустились на камень с глухим

стуком. Внизу, на причале, под фонарями ждали люди в чёрном с пятью значками. Чуть поодаль, у катеров, стояла другая группа, в светлом, в дорогом, с огромным количеством чемоданов, которые носили слуги. Наследники. Восемьдесят человек. Они не смотрели на паром. Кто-то смеялся. Кто-то говорил по телефону.

Лео подхватил «Холодок», закинул на плечо рюкзак и пошёл по сходням вниз. Ветер с фьорда рвал куртку. Под ногами качнулся мокрый камень.

Он поднял голову и увидел её.

Она стояла у самого края причала, между двумя группами, одна. Высокая, в длинном сером пальто, с белыми, почти серебряными волосами, собранными в низкий узел. В тонких серых перчатках. Свет фонаря падал на неё сверху, и вокруг неё будто было пусто, хотя рядом проходили люди. Лео узнал её сразу, как узнавали все. Её лицо он видел на рекламных экранах, в метро, на Реепербане, на перчатках в витринах. Ада Корвин. Тридцать миллионов подписчиков. Фаворитка Сезона.

Она не смотрела на паром. Она не смотрела на Наследников.

Она смотрела прямо на него.

Не скользила взглядом, не рассматривала двадцать человек на сходнях, как рассматривают товар на витрине. Она смотрела именно на него, на Лео Фалька, на его жёлтый ящик с нарисованным от руки стикером, на его лицо. Смот-

рела спокойно, внимательно и очень серьёзно, как смотрят на задачу, которую нужно решить.

Лео остановился на сходнях. Сзади на него налетел Матео и чертыхнулся.

Ада Корвин чуть наклонила голову, едва заметно. Что значил этот кивок, Лео не понял. Потом она развернулась и пошла к катерам Наследников, не оглядываясь.

— Кто это? — спросил Оскар у него за спиной, хотя прекрасно знал.

Лео не ответил. Он смотрел ей вслед, пока она не скрылась за чемоданами, и думал, что так на него смотрел только один человек. Маркус Эберт в белой кабине на Юнгфернштиг, когда набирал сообщение на телефоне.

¶

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.